

ЮРИЙ НИКИТИН

ДАЛЕКИЙ СВЕТЛЫЙ ТЕРЕМ

Юрий НИКИТИН

Далекий светлый терем (сборник)

«ЭКСМО»

Никитин Ю. А.

Далекий светлый терем (сборник) / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-21276-7

Эта книга – сборник повестей и рассказов Юрия Никитина. Их герои совсем не похожи друг на друга, их действие происходит в прошлом и будущем, на Земле и в далеком космосе, но собранные вместе, под одной обложкой, они напоминают горсть драгоценных камней, любовно ограненных опытной рукой Мастера. Содержание: По законам природы Мое вечное море Абсолютный развод Уцелеть бы Ахилл В операционной Далекий светлый терем Колдуны и воины Санитарные врачи Безопасность вторжения Пигмалион Сизиф Завтра будет новый день Совершенные слова На груманте Глубокий поиск Компенсация Москва, 2000-й Псевдоним Десант центурионов Оппант принимает бой

ISBN 978-5-699-21276-7

© Никитин Ю. А.

© Эксмо

Содержание

Предисловие	5
По законам природы	7
Мое вечное море...	16
Абсолютный развод	25
Уцелеть бы...	34
Ахилл	42
В операционной	51
Далекий светлый терем	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Юрий Никитин

Далекий светлый терем

Предисловие

Когда этот сборник рассказов впервые переиздавался уже после перестройки, я снабдил его предисловием. Ну, тогда это было необходимо. Может быть, необходимо даже сейчас, ибо вещи, созданные в годы Советской власти, могут смотреться сейчас несколько странно.

Сейчас же, при очередном переиздании, считаю необходимым предупредить, что даже то первое предисловие было написано вскоре после начала перестройки. По горячему и весьма горячо, как и сгоряча. Но я за свой базар отвечаю, потому не отменяю ни одного слова.

То же самое относится и к послесловию:-))

Искренне,

Юрий Никитин

Эта книга вышла в 1985-м. («Далекий светлый терем». Москва, «Молодая гвардия», Библиотека сов. фантастики, 1985, тираж 100 тыс., цена 80 коп.) До этого года перестройки была долгая пауза, «черные списки», в которые угодил по воле тогдашнего борца с украинским буржуазным национализмом Кравчука, серого кардинала ЦК партии Украины, а затем ставшего президентом вільной Украины (вот это перестроился!).

Сейчас сборник выходит в сравнительно полном объеме (понятно, все собрать не удастся, как уж писал в предисловии к «Человеку»). Но сейчас, когда прошло столько лет, а большинство вещей написано не в год выхода, а намного-намного раньше, то придется дать крохотный комментарий.

Итак, мы остались единственной в мире страной (да еще братские страны общего лагеря), где произведение ценилось не за увлекательность, мастерство, класс, а за множество натканных шпилек в адрес правящей партии. Наш народ, от яйцеголового интеля до распоследнего грузчика, умел читать между строк. В любом рассказе о восьминогих жителях планеты Ква-Пхе находили намек на дурость правительства, засилье КГБ, бесправие интеллигенции. Ну, а если еще удавалось хоть как-то делать вещь удобочитаемой, то ей цены не было!

Вот, к примеру, вылетевший уже из набора «Оппант». То в одной стране, то в другой военные брали власть в свои руки. Черные полковники в Греции, Пиночет в Чили, Сухарно в Индонезии. Свергнув Хрущева, вступило на трон ничтожество, но грозно рокотали по ночам танки. Это было давно. Но устарела ли тема?

С «Дублями дней» получилось вовсе нелепо и смешно. Я его подавал и в первый сборник «Человек, изменивший мир», и в другие, которые вовсе не увидели свет, а в последнем, «Далеком светлом тереме», который вышел в 1985 году, он прошел вроде бы все инстанции, его читали и литературоведы в штатском, художник сделал рисунки: и уже в самый последний миг, когда и выбрасывать вроде бы нельзя – влетает в копеечку, тогда еще был горячий набор – все же выбросили! Уцелел лишь рисунок, который по недосмотру попал в самую серединку невиннейшего рассказа «Абсолютный развод», и потому не был изъят. Хотя это и нарушает целостность книги, я попросил отксерокопировать (или как там это зовется) рисунок из сборника 85-го года и поместить в этот. Причем на то же место в рассказе «Абсолютный развод», все как было в 85-м. У кого сохранился тот старый сборник (он был издан сотысячным тира-

жом в Москве, мог остаться у многих), могут сравнить. Теперь и ребенок посмеется над нелепым временем, в котором прошла жизнь.

Откуда я мог знать, что застой, которым я обозначил жизнь своего растерянного и закомплексованного интеллигента, цензура бдительно проектирует на всю страну, ее строй?.. Но сама идея, видимо, хороша, ибо через несколько лет вышло сразу два фильма с идеей одного и того же повторяющегося дня: отечественный «Зеркало для героя» и американский «День сурка».

Далее: каким же дебилом надо быть, чтобы потребовать, чтобы я заменил в «Санитарных врачах» имена героев на иностранные! Проблема-то чисто расейская, едут на стареньком «Москвиче» Шушмаков и Елена, проверяют наши заводы. И вот, в угоду редактору-цензору, матерясь и дивясь системе, я кончиком лезвия бритвы соскабливал на белом листочке, подготовленном в печать, в слове «Елена» черточку в букве «н» и подрисовывал ее выше! Из Елены получилась Елепа. С Шушмаковым пришлось повозиться дольше, надо было придумать фамилию, равную по длине прежней (напоминаю, о компьютерах не слыхивали, набор делался вручную, печать горячая, посему, если нельзя сделать изменения минимальнейшие, то вещь попросту выбрасывали!). Потому из Шушмакова, приятеля по школе, получился Шушмакке, таежный приятель из Прибалтики.

Вот и все компромиссы по поводу западных имен.

Ваш Юрий Никитин.

По законам природы

В ручье по колено, но вода горячая, пронзительно-холодная, чистая, как слеза. Лег, уцепившись за корягу, чтобы не снесло, уже через минуту озяб, но лежал: протопали много, нужно бы вместе с потом смыть и усталость.

Выскочил на берег, лишь когда заломило в затылке. Кожа пошла пупырышками, мышцы затвердели. Товарищи еще обыскивали друг друга, пойманных клещей привычно бросали в костер. Потом пили крепкий чай из лимонника, только самый старший из группы, Измашкин, неспешно потягивал отвар чаги: от лимонника заснуть не может, а во сне бабы снятся, будто выхлебал корыто женьшеня или пантокрина.

Когда сели у костра играть в шахматы, только они уцелели в походе, Кварк почувствовал, что усталость, если и смылась с тела, то не вымылась изнутри, мышцы все еще налиты недоброй тяжестью.

– Нет, – сказал он, – сегодня играть не буду.

Он полез в палатку, растянулся во весь рост, едва ли не впервые в жизни чувствуя радость от простого лежания, бездействия, ничегонеделанья. Не заметил, как провалился в легкий беззаботный сон. Сразу же начал летать над городом, потом над тайгой, кувырчался, летал то стремительно, как падающий сапсан, то зависал в воздухе неподвижно, растопырив руки.

Он часто летал с тех пор, как сменил жизнь дерганого интеллигента в Москве на жизнь геолога-таежника; ловил в полете изюбрей за рога, отпускал, догонял в полете гусей и уток. Сейчас летал, летал, летал, но потом пришло нечто тягостное, стало трудно дышать, откуда-то повалил густой черный дым, окутал ноги, ворвался в легкие... Внизу на земле уже горела трава, и вдруг он не смог лететь, страшная земля помчалась навстречу.

Он закричал, проснулся. Голову сжало как раскаленными щипцами, затылок раскалывался.

В сторонке полыхал огонь, в палатку доносился приглушенный разговор:

- Придется тащить... Здесь ему хана.
- Если энцефалит, тащи не тащи... Хорошо осмотрели?
- Даже на пятки заглядывали! Ты же знаешь, его клещи не трогали.
- Эх, как же это... Ребята где?
- Носилки готовят. Хорошо, хоть сложения интеллигентского, меня бы вам понести!
- А далеко?
- В полста километрах деревушка.
- Медпункт, «Скорая помощь»?
- Шутишь. Промысловики-охотники. Живут чем бог пошлет, не болеют.
- Ох, не верю этим затерянными деревушкам! То староверы, то еще что...
- Что «еще»?

Голос показался Кварку странно изменившимся.

– Да так... Походишь в тайге с мое, всего навидеешься.

– Что делать, выбирать не приходится.

Завертелись огненные колеса, жернова раскалялись, росли и вот уже давят на грудь, забивают дыхание...

Когда бред прерывался, Кварк видел над собой проплывающие в полутьме ветви, бледное пятно месяца; остро и нещадно проглядывали звезды сквозь разрывы в ветвях, этот блеск резко бил по глазам, и Кварк обессиленно опускал веки, зажимившись сильнее.

Очнулся уже днем. Он лежал на спине, над ним желтел в недосыгаемой вышине широченными, плотно пригнанными досками потолок, стена непривычно ребрилась массивными бревнами, гладко обтесанными, от времени потемневшими.

– Где... я?

Он хотел это сказать, но в легких стоял несмолкающий хрип, клекот, на губах лопались теплые соленые пузыри.

Мягкие теплые руки приподняли ему голову. Мир загородила деревянная чашка. Кварк послушно отхлебнул. Вариво, густое и горячее, приятно обожгло. Он сделал глоток еще, в глазах потемнело, он сорвался в грохочущую бездну, где кипели камнепады и вертелись раскаленные жернова... Откуда-то взялись закованные в сталь огромные рыцари, били по голове исполинскими молотами, по груди, по плечам, но он уже смутно чувствовал, что надо перетерпеть совсем немного, перемочь, и тогда уцелеет.

Когда очнулся снова, через окошко смотрело яркое солнышко, на полу отпечатались оранжевые квадраты. На стенах под самым потолком темнели пучки травы, Кварк почти видел, как оттуда на него катятся тяжелые волны запахов, окутывают, проникают в тело, что-то там перестраивают, лечат.

Из глухой стены словно выросли рога матерого изюбря, под ними стволами вниз повисли два охотничьих ружья. Сбоку дверь в другую комнату, а на стене целый ряд полотенец с удивительно яркими цветами...

Кварк, несмотря на слабость, насторожился. Таких узоров не встречал, но они потащили в памяти смутно тревожные ассоциации. Словно бы уже видел, точно видел, но вспомнить не может, потому что на самом деле все-таки их не мог видеть, во всяком случае, вот так – глазами, а не шкурой, кровью, плотью своей, нервами – за то видение поручиться не может.

Кстати, если уж вычленять что-то знакомое, то вон тот цветок похож на стилизованное изображение древнеиндийского бога огня Агни, а соседний – бога ветров Вейю. Оба остались в современном русском как огонь и веть...

В глубине комнаты большая печь. Оттуда как раз, стоя к нему спиной, рослая женщина доставала ухватом чугунок. Их Кварк видел только в музеях этнографии. Крышка чугунок тяжело приподнималась, оттуда выстреливались клубы пара.

– Проснулся, мож? – сказала женщина, оборачиваясь. Голос у нее оказался удивительно низким, грудным. – Сейчас ушицы отведаешь, а то во сне просишь: юшки да юшки...

Подошла с полной тарелкой к кровати, села с Кварком рядом. На него повеяло теплом.

– Проголодался небось?

– А сколько?... – сказал Кварк с трудом. Шевелить языком, губами, проделывать все движения, которые раньше получались сами собой, было невероятно трудно. – Сколько я провалялся?

– Семь ден, – ответила женщина. – Ты крепкий. Вон поки донесли, совсем плохий бул... Разевай пащечку, буду кормить.

Говорила она странно, словно бы на старом, забытом диалекте, но Кварк понимал ее прекрасно, чему смутно удивился, несмотря на слабость. Он потянул ноздрями, аромат просочился внутрь, желудок дернулся, затанцевал от нетерпения.

Уху глотал жадно, горячие волны прокатывались по измученному телу, а оно наливалось хорошей тяжестью.

– Йиж-йиж, – приговаривала она, поднося ему ложку к губам, – мож должен трапезовать добре.

Кварк, быстро насытившись и отяжелев, ел медленнее, во все глаза рассматривал женщину. Мягкие, добрые черты лица, чистые лучистые глаза, приветливый взгляд – в больнице бы выздоравливали от одного ее присутствия.

– Ще ложечку... ще... – приговаривала она.

Он вздрогнул. Женщина смотрела, как его лицо наливается густой краской, сказала все тем же низким волнующим голосом:

– Глупый, найшов, чего стыдобиться... Да пока без памяти, как же иначе? Да и сейчас еще не встали. Погодь, принесу посуд.

Она исчезла из комнаты, Кварк закрыл глаза от унижения.

С этого дня он в забытьи больше не проваливался, пил густые настойки, ел уху и жареное мясо, пробовал подниматься. На третий день уже сидел на постели, но когда попробовал встать, грохнулся во весь рост.

– Спасибо, – сказал он однажды, – за спасение! Но я до сих пор не знаю, как тебя зовут.

– Данута, – ответила она.

– Странное имя, – заметил он. – А я Кварк.

– Это у тебя чудное, – удивилась она.

– Зато наисовременное, – объяснил он. – Родители шли в ногу с временем... Слушай, Дана, я хочу попробовать выползти из хаты, на завалинке посидеть... Не отыщешь палку покрепче?

Дважды останавливался отдохнуть, но все-таки, держась за стену, выбрался в сени, Дана поддерживала с другой стороны, наконец под ногами скрипнул порог. Солнце только поднималось над лесом, день обещал быть жарким, и Кварк осторожно стянул через голову рубашку. Странно и непривычно сидеть без дела, загорать в прямом смысле слова. Но – жив! Оклемався, будет жить, будет топтать зеленый ряст.

Дома как один – высокие, из толстых бревен, угрюмые, темно-серые, в один ряд, за ними полоски огородов, а дальше вековая – да где там! – тысячелетняя, миллионолетняя тайга. Ягоды, грибы, дикий виноград, кишмиш, уйма дичи пернатой и четвероногой, рыба в ручьях: знаменитая кета, чавыча, кижуч...

Позади хлопнула дверь. Данута прошла с ведром, ласково коснулась его затылка ладонью:

– Отдыхай!.. Зайду к Рогнеде, хай коз сдоит. Тебе надобно козьего.

– Спасибо, – сказал он с неловкостью. – Столько хлопот из-за меня. А у этой... Рогнеды странное имя.

Она обернулась, пройдя несколько шагов. Голос ее был задумчивый:

– Это теперь имена странные. А у Рогнеды файное имя.

«Рогнеда, – думал он. – Данута и Рогнеда. Все-таки странно... Языческие? Ведь у женщин от той эпохи имен почти не осталось, это мужчины сохранили своих Владимиров, Аскольдов, Олегов, Игорей, Вадимов, еще всех с окончанием на «слав», а теперь уже встречаются все более древние славянские: Гостомысл, Рюрик, Бранибор, Скилл – причуды моды неисповедимы, но здесь, в этой деревушке, не только имена, здесь и диалект попахивает стариной».

Из дальнего конца улицы донеслось:

– Эге-гей!

Пронеслись стайкой и пропали дети, впереди со всех ног мчался белоголовый мальчишка с палкой, на которую была насажена волчья голова. Странная игрушка, – подумал Кварк невольно.

Он нежился на солнце, вбирал его всеми порами кожи, запасал, жмурился от наслаждения. Когда рядом прошелестели легкие шаги, открыл глаза, схватил Дануту за подол:

– Дана, там ребятня с волчьей головой... Другой игрушки нет, что ли?

Данута поставила ведро на крыльцо, ясно посмотрела ему в глаза:

– Да они ж сами и залесовали, как отнимешь?.. Да и нам, неврам, волки как бы сродственники. Когда ворогуем, когда дружим.

Он вздрогнул:

– Неужели тот малыш сразился с волком?

– Нет, их было четвера. Подымайся, пора ядати.

Он кивнул поспешно, опасаясь спугнуть неясное, что оформлялось в мозгу:

– Иди, я приду сейчас.

Она прошуршала мимо. «Чатвера»... слово знакомое, именно в таком виде слышал раньше, как и «ядати»... Стоп! На лекциях, когда готовился к карьере филолога, когда читал Веды в подлиннике... Все пошло прахом, вспоминать перестал, ибо связано с женщиной, которая так много навредила, напакостила... Но слова языка древних Вед и раньше проскальзывали в ее речи, он принимал их за диалектизмы. Конечно, всякий знает, что современный русский идет от славянского, который, в свою очередь, вычленился из индоевропейского или арийского языка, но ведь только грамматический строй сохраняется тысячелетия, более или менее не меняясь, а лексика за несколько сот лет меняется чуть ли не наполовину! Откуда же столько слов из древнейшего языка? Может быть, даже из праязыка?

Встал с трудом, поковылял в горницу. Данута разливала молоко по кружкам.

– Дана, – сказал он медленно, – у меня к тебе вопрос...

В ее глазах мелькнул испуг. Струйка молока плеснула мимо, он схватил тряпицу, протянул ей и, когда руки встретились, ощутил, как дрогнули ее пальцы.

– Вопрос, – повторил он, запинаясь, инстинктивно сменив тему. – Тебе не накладно кормить меня, здорового мужика? Ты же одна, я вижу...

Она вздохнула с облегчением. Уже увереннее вытерла лужицу, придвинула к нему чашку.

– Не тревожься, – ответила она певуче. – Когда тебя принесли, в городище так и порешили, что у меня полежишь. У других забот богато: дети, скот, фамилии. А я одна, могу за тобой ходить. Как вишь, выходила.

Вечером он долго лежал поверх одеяла. Данута, Рогнеда, арийские и древнеславянские слова, старинный орнамент... У русского языка четкие родственники в санскрите, но здесь столько абсолютно одинаковых лексических единиц! Или часть племени еще во время великого похода с Днепра, или, как пишут в энциклопедиях, арийского завоевания Индии, откололась по дороге и забрела в Уссурийскую тайгу, и с той поры живет изолированно, общаясь с внешним миром лишь изредка?

Послышались шаги, открылась дверь. Данута, на ходу расплетая косу, прошла через комнату, покосилась на него. Глаза ее и губы улыбались.

– Покойной ночи, мож!.. Легких снов тебе.

Она открыла дверь в соседнюю комнату, оглянувшись, помедлила. В ее глазах вспыхнул странный огонек. С той же таинственной полуулыбкой она медленно притворила за собой дверь.

Кварк сбросил одеяло, но сердце барабанило так, что остыть не удавалось. В окна катили пряные запахи трав, хвои, горячей смолы. На дальнем конце деревни лениво твякнули собаки. В угловое окно падал узкий лучик луны.

Уже не в силах остановиться, он слез и пошел к двери, что тянула как магнитом.

Солнце било в окна, прыгало яркими зайчиками. Он лежал в ее комнате, утопал в мехах. Медвежья шкура в ногах, медвежьи – на полу, на стенах.

Данута ласково перебирала ему волосы, журчала на ухо:

– Ты добрый. Отдыхай. Так жалко тебя, что сердце рвется. Не в болести дело, душа у тебя раненая, чуткости в ней богато, ну вот и ранится. Ее надо выхаживать.

– Уже, – сказал он счастливо, – уже заживает. Поверь, Дана, никогда мне так спокойно и счастливо не было. Странно, но это так.

Она погладила его по голове, поднялась.

– Отдыхай! Я сготовлю снидаты, ты пока лежи.

Он пропустил мимо ушей еще одно индоевропейское словцо, означавшее завтрак, и только наблюдал, как она ловко управляет посудой. Пышущая здоровьем, румяная и белокожая, с темными соболиными бровями и четкими классическими чертами лица, огромными всепонимающими глазами, она вызывала щемящее знакомое чувство. Фрески на стенах Софийского собора, древнерусские иконы, что-то еще полузабытое, древнее.

Но впервые не было нервного напряжения при столкновениях с непонятым. Впервые никуда не спешил, ничто не висело над ним, никто не требовал бросить все срочное и делать сверхсрочное. Неужели, чтобы обрести спокойствие души, необходимо попасть в самую глубину Уссурийской тайги?

С улицы неся мальчишеский крик. Мимо окон промчалась целая ватага.

– И не надоест им, – заметил он.

Она коротко взглянула в окно, и он удивился печали на ее лице.

– У тебя детей не было? – вырвалось у него, и тут же пожалел.

Она ответила, помедлив:

– Были.

Ее руки, как поршни, размеренно месили тесто.

– Прости меня, пожалуйста.

– Не за что, – ответила она грустно. – Такова уж наша суть, хочется детей ще и ще. Для них жием.

Он поднялся, достал воды из колодца, умылся. Прибежала соседка, бойкая, смешливая, вежливо поздоровалась и затараторила, кося любопытным глазом на Кварка:

– Дануточка, сказывают, что Иваш, Савкин сын, к Рогнеде думает итить! На яблочный спас сватов зашет, заручины справит! А младший Савкин на лесоразработки хочет податься, а то, грит, ни баб свободных, ни кина, одна тоска зеленая!.. А еще бабка Маланья нашептала, что у Гиды дочка родится. Там уже все бабы собрались, воды накипятили, ждут...

Чмокнула Дануту в щеку и унеслась, подвижная, как ртутная капелька. Данута поставила на стол рыбу, жареное мясо, зелень. Кварк уже глотал голодную слюну. Данута перехватила его взгляд, сказала:

– Йиж, теперь поправишься за день-два.

Они заканчивали трапезу, Кварк с наслаждением пил парное молоко из глиняной чашки, и в это время на улице раздался радостный крик. Данута прислушалась, охнула и бросилась к дверям.

– Случилось что? – спросил Кварк встревоженно.

Она ответила уже с порога:

– У Гиды родилась девочка!

И такая жгучая зависть была в ее голосе, что он так и остался в комнате с раскрытым ртом.

Прогремела под окном частая дробь шагов, мелькнул ее красный платок. Вдалеке запиликала гармошка, отчаянно взвизгнула свинья и умолкла на высокой ноте.

Кварк задумчиво походил по комнате взад-вперед. Почему такой восторг? Хоть девочки и рождаются реже, зато потом по числу сравниваются с мальчиками, их даже становится больше – ведь мальчики чаще гибнут от болезней, аварий...

Калитка стукнула только через час. Данута вбежала раскрасневшаяся, схватила ребенка на зубок, умчалась снова. Кварк шагнул к окну, проводил ее взглядом. Она не шла, а летела.

Ночью, когда воздух посвежел и звезды уже засеяли весь чернозем неба, Данута вернулась, тихонько прошла на цыпочках по горнице, остановилась нерешительно у постели Кварка.

Кварк протянул руку, привлек к себе. В темноте не видел ее лица, только ощущение родного, бесконечно дорогого пришло разом, наполнило счастьем. Данута легла, положив голову ему на грудь и обхватив шею руками. Он уловил в темноте, что она улыбнулась, пощекотала его ресницами.

– Трудно тебе с хозяйством? – спросил он.

– Ничо, – ответила она неопределенно. – Пока сын допомагал, легче было... Да я управляюсь. Богато ли мне надобно?

«Сын уже взрослый, – понял он. – Гм, думал, она помоложе...»

Спросил, не сдержавшись:

– А что же сын перестал помогать? Уехал?

– Погиб, – ответила она просто. – На лесосплаве. Пока молодой был, все получалось, потом оступаться почал... Попал меж бревен.

– Не понимаю, – вырвалось у Кларка. – Постарел? А сколько ж тебе?

Дыхание ее стало скованным. Он легонько тряхнул ее, она нехотя разлепила губы:

– Ты пришлый, не зразумеешь.

Кварк попробовал с другого конца:

– А еще дети у тебя были?

– Были, – ответила она неохотно. – Одни мальчишки. А так бы девочку хотелось! Вон как у Гиды...

Ее голос был тих, как нежнейшее дуновение ветерка. Кварк ощутил, что Данута из той породы, есть такая ветвь человечества, что по самому характеру ли, рождению или воспитанию, на ложь не способны, пусть даже во спасение, счастье или благополучие.

– А как же другие твои дети?

– Кто где... – Ее рука ушла с его шеи. Она чуть отстранилась. – Кто умер, кто погиб... Вон сколько воен было! Мужские забавы те войны...

– Войны? Какие... войны?

– Да все, будь они неладны. С ерманцами, хранцузами, турками, куманами...

Она полежала мгновение, затем он ощутил в темноте движение воздуха. Скрипнула постель. В темноте шелестнули шаги, негромко хлопнула дверь. Кварк лежал как пораженный громом. Нелепо! Войны с куманами... когда это было? Князь Игорь едва ли не последний с ними воевал. Потом они ушли на территорию нынешней Венгрии... Невероятно, но теперь нелепая мысль, что пришла в голову, разом объяснила и вкрапления языка священных Вед, и праславянизмы, и орнамент, характерный для племени ариев, и языческие имена...

Но как же это могло случиться? Травы, намного более мощные, чем женьшень? Эндемичные условия существования? Мутации? Тогда поблизости радиоактивные руды... Нет, это заговорил геолог. Они ведь из Приднепровья, центра мировой цивилизации древности, там подобных руд нет...

Возбужденно крутился в постели до утра. Голова горела, сердце стучало, как молот по наковальне ребер. Под утро забылся коротким беспокойным сном, а когда открыл глаза – солнце уже заполнило комнату, нагрело на нем одеяло.

Выйдя на крыльцо, увидел Дануту. Она шла к дому с ведром молока, изогнулась красиво, как лоза, придерживала левой рукой подол платья.

Он молчал, сраженный. Ночью уже воображал невесть что, а она переполнена обильной красотой, молодостью, здоровьем, только глаза тревожные, да тени под ними.

– Я спешил тебе помочь, – сказал он хрипло, – а ты вот уже...

Она перевела дыхание, поднялась на крыльцо. Зубы у нее были один к одному: ровные, снежно-белые, красиво посаженные.

– У нас зранку встают. Пойдем снидаты, уже готово.

За столом он натужно шутил, держался весело, старательно отводил глаза, а Данута помалкивала, только подкладывала ему на тарелку ломти ржаного хлеба, красиво накрывала ровными пластинками жареного мяса.

Он вытерпел до полудня, потом не удержался, обнял за плечи и взмолился:

– Дана, а как же другие? Тоже как ты или...

– Женщины – да, – ответила она просто, – а можи – нет. У них и так не всякий доживает до старости, а то и до мужалости. То с ведмедем или тигром не совладеет, то под лед попадет или в буран дерево придавит... Жизнь в тайге чижолая. Грят: жить в лесу – видеть смерть на носу. Но можи даже гордятся, что не умирают в постели, как мы, женщины...

– Да-да, – согласился он торопливо, – да! Дорога мужчин, понятно... Потому их и рождается больше, чтобы как-то компенсировать убыль. Ведь потомство оставляет не каждый. Данута, я свинья, лезу с расспросами, но... Пусть не все, дай хоть краешек вашей тайны пощупать? Расскажи.

Она села на постели, поджала ноги. Взгляд ее стал отрешенным.

– Что рассказывать... Просто жили... Можи лесовали, а мы по укрытиям, потом по городищам... До-о-олго так жили. Потом стали держать скот дома, так надежнее. Можи часто воевали. Из-за чего? Да из-за всего. Из-за скота, пастбищ, жинок, верховенства... Когда мы перемогали, то брали их земли, если они – то мы утекали на плохие... В пустылях были, у моря, в лесах. Дуже богато скитались з усем народом, пока Ярослав не повернул все племя на прародину, где жили остальные наши... Потом мы именовались антами, неврами, жили в лесах. Лесовали, скот держали, рыбу ловили. Как и сейчас. Памьятаю греков, что наши капища рушили да под защитой князей дружины на тех местах церкви рубили. С той поры народ молится нашим древним богам уже под чужими именами, но к этому не привыкать – сколько раз так было! Еще при Таргитае, помню... Татарва потом, тевтоны... Князья хотели нас у рабов перетворить, так мы услед за Ермаком Тимофеевичем на вольные земли. Они ж не совсем вольные, так мы еще дальше, пока сюда не забрели... Вот и уся наша жизнь.

«Действительно вся, – подумал он потрясенно. – Историю десяти тысячелетий вложила в десять минут!»

– Скажи, – он выхватил вопрос из миллиона, – была на Руси докириллица?

– А что это?

– Письменность такая... До Кирилла и Мефодия!

– Да кто ее ведает. Я грамоте недавно обучалась.

– А каков был Ярослав? Или нет, Владимир, что Русь крестил... А царевича Дмитрия убили по приказу Годунова или?... Таргитай – это скифский вождь или ваш? Правда ли, что Геракл и Ахилл – древнеславянские герои, потом попавшие в греческий пантеон?

Она сидела, обхватив колени руками. На вопросы только пожала плечами, сказала неохотно:

– Откуда я ведаю? Мы простые люди, от князей вдалеке. Нам бы на хлеб добыть, а кто кого убил – это их справа.

Кварк разозлился, волна горячей крови ударила в голову.

– Эх ты! Могла бы... Могла стать таким человеком, который поисследовал бы целые эпохи.

Он встал, с грохотом отшвырнул стул. Злость душила, он сел за стол, чтобы удержать себя, не броситься крушить в комнате мебель.

Данута выпрямилась, медленно встала с постели. Она словно бы прислушивалась к себе, так же замедленно двигаясь, прошла к двери, сказала мягко:

– Каждому свое... А такой человек, как ты кажешь, будет.

– Какой еще такой человек? – сказал он тоскливо, ощущая горечь потери. Прожить такую жизнь и ничего не узнать! – Эх, Данута.

– Какой... Такой же, как и ты. Для исследований. Для действий. Вылитый ты!

Он замер. Повернулся всем телом. Данута стояла, прислонившись спиной к дверному косяку, руки скрестила на груди.

– Что? Откуда ты знаешь?

– Уж это я знаю.

– А почему вылитый я? – глупо спросил он. Мысли, как рой разъяренных пчел, метались, сшибали друг друга, гудели.

– А как же иначе? – ответила она тихо. – Семечко растет в земле, но похоже не на землю, а на родительское дерево. Я лишь земля для твоего семени. Это ему узнавать и перероблять свет. А от меня не требуй... Мое дело – растить, а их справа – итить за виднокрай.

Он молчал, медленно осозная непривычную логику. Данута покачала головой, сказала горько, тяжело роняя слова. Голос ее окреп:

– Думаешь, зря жила... Ни, не зря. Мои сыны орали землю, строили города, защищали народ, они ходили походами в Опаленный Стан и на Царьград, они находили земли в окияне... Мои сыны брали на щит Рим, Сидон, Сиян-гору, били тевтов, ходили на земли Винланда... Мало? Они придумывали машины, строили корабли, пироскафы, литаки... Моя сила в сынах!

Она открыла дверь, сказала с порога холодно:

– Передали, что вертолет за тобой придет через час.

Он тупо смотрел на толстые доски, которые скрыли эту удивительную женщину. Голова гудела, но слабости не осталось, в теле собралась лихорадочная энергия.

Машинально вышел на крыльцо. Во дворе попала огромная розовая свинья с выводком поросят. У каждого на спине темнели полоски, делаая их похожими на растолстевших бурундуков. Завидев человека, поросята порскнули в стороны. Мордочки у них были длинные, вытянутые. Дикие, явно чушка порезвилась в лесу с лесными собратьями...

Кварк прошел через двор, огородами выбрался на околицу. Повеяло прохладой. Он шел до тех пор, пока ноги не погрузились в ручей. Вода приятно обожгла, он опустился на валежину, подставив спину жгучим лучам солнца, ступни касались воды.

Шагах в трех ручей прыгал через валун, искрился, шел тонкой серебряной пленкой, над камнями поднялась прозрачная разноцветная радуга.

Удивления нет, вот что странно. Все правильно, все так и должно быть. Будь бессмертными все, остановилась бы эволюция вида, здесь же она идет через смену поколений мужчин. Они всегда во всем мире первыми суют носы в неизвестное, принимают удары эпидемий и открытий, воюют, изобретают, строят, придумывают машины и социальные системы, стремительно изменяют мир и так же стремительно меняются сами... Если и гибнут, то для вида выгодно: потомство дадут лучшие, уцелевшие. А вот потеря женщины невозполнима, бессмертна она или смертна.

Войны сюда не докатывались, вот бессмертные женщины и уцелели. В древних хрониках о бессмертии не упоминалось, кто его заметил бы, когда большинство гибло в раннем возрасте? От насильственной смерти и бессмертный не застрахован, к тому же бессмертны только женщины, а их роль в истории была невелика... Зато теперь, в век эмансипации, могут развернуться... Могут? Нет, природу не обманешь, от прежнего бессмертия остались лишь те восемь-двенадцать лет, на которые женщина пока что живет дольше мужчины...

Кварк оглянулся через плечо. Домики стояли тихие, мирные, зеленели полоски огородов, вдали виднелись просторные поля и крыши сараев. Обыкновенная деревушка. Ни ископаемых, ни других природных богатств тут вроде бы нет. И люди обыкновенные. Живут, скот разводят, хлеба выращивают...

Проходя на обратном пути через двор, впервые заглянул в сарай, бросил сена буренке. Подумал, что надо бы крышу перекрыть. Странно, никакой зависти... Если бы мужчины – другое дело, а женщины и должны жить всегда. Здесь все правильно, даже правильнее, чем в остальном суматошном мире.

Данута сидела у окна, ткала. Вполголоса напевала что-то протяжное, и было видно, что слова незнакомы ей самой, просто запомнились еще в детстве или достались в наследство от еще более дальних времен, от незнакомых бабушек и прабабушек.

Услышав шаги, подняла голову. В глазах были тревога и ожидание. Несмело улыбнулась. Он подошел, заглянул ей в глаза. Пламя отражалось в темных зрачках, отсветы багрового огня падали на стены, потолок, пол.

– А что? – сказала она тихо. – Мы так и живем.
Он взял ее за плечи, притянул к себе.
– К черту вертолет. Огонь в очаге! Это мой очаг и мой огонь.

Мое вечное море...

В ужасе Вадим рванулся, позади знакомо щелкнуло. Хлынул яркий солнечный свет: к потолку взлетела расписная штора.

Освобождаясь ото сна, он лежал поперек постели, за окном серели многоэтажные панели домов. Утро... В углу комнаты засветился, сопровождаемый легким треском, экран домашней ЭВМ: это сделать, туда пойти, с тем встретиться... Меню на сегодня такое-то, мясное исключить – вчера печень перегрузил... Выплыло налитое красками, увеличенное в десятки раз сердце: объемное, цветное, в уголке экрана бежали рекомендации, что нужно подтянуть, как, чем, и кроме того – физкультура, солнцетерапия...

Еще несколько мгновений лежал ошалелый, а в нем замирали крики, плеск весел, зато нарастал шелест пронесшегося внизу трубника, шорох в транспортных линиях, шепот силовых установок в стенах, вибрация подстанций, энергоблоков, мерное пощелкивание метронома в комнате...

– Глупо, – сказала она раздраженно. – Кто-то из предков струсил, а ты переживаешь? Что, в твоей генеалогии одни герои? Как у всякого, хватает и трусов, и подлецов, и просто дураков. Как у нынешнего дурака вполне могли быть героями, мудрецами...

– Так-то оно так, – сказал он убито, – но уже который раз снится...

Татьяна досадливо повела плечом, прошлась по комнате. Он украдкой жадно следил за ней. Татьяна всегда ходила так, словно весь мир был дорожкой Дома моделей. Горделиво подав себя в центре, оттянув плечи и красиво выбрасывая и ставя ноги, приопустив ресницы, с готовностью улыбнуться мужской шутке, хотя когда шла с работы, то наверняка хотелось идти так же, как и подруги: ссутулив плечи, на полусогнутых, суетливой перебежкой за транспортом...

Он сидел так, чтобы не увидеть себя в зеркалах, которые в ее комнате на каждом шагу. Прошлый раз увидел свою желтую вытянутую физиономию с трясущимися губами, безумные глаза – потом целый месяц шараялся от витрин и блестящих поверхностей...

– Что уставился? – спросила она.

– Какая ты... Гуттаперчевая девушка. Нет, не гуттаперчевая, в тебе гибкость стальной пружины!

Она остановилась у окна, глядя во двор.

– Спасибо. Зато в тебе хребта нет вовсе. Встряхнись! Завтра уходим с туристами в горы. Пойдешь? Ночевки на свежем воздухе, ночь у костра...

– Нет, – сказал он затравленно. – Мускулистые атлеты с гитарами, девицы с вольными манерами, один профессор, которому почему-то важно выглядеть молодым балбесом...

– Зато они живут! А ты... Впрочем, пещерные времена прошли, теперь живут и слабые. Они и копаются в прошлом, потому что боятся сегодняшнего дня. Ты составляешь генеалогические таблицы?

Она как выстрелила вопросом. Вадим растерялся:

– Нет... А что?

– Теперь это модно. Как только научились скользить по генетическим линиям, так и пошло. Только сны твои с действительностью не стыкуются. Сам же говорил, что твои предки с Приднепровья! А славяне никогда не были морским народом. Напротив, они чуждались моря.

– Я так не думаю, – ответил он уклончиво, стараясь не рассердить ее.

– Тогда отправляйся в прошлое, – сказала она насмешливо. – Попробуй проскочить комиссию. Может быть, удастся воочию посмотреть на своих предков. Там не увидишь ни единого корабля, разве что скандинавов вроде Рюрика.

Он, всю избегая ее взгляда, возразил тихо:

– С Рюриком выяснили... Рюрик – по-древнеславянски сокол. Малый Кроливец лютичей, ныне этот город стоит на реке Рюрике, вытекающей из озера Рюрика... Столица бодричей называлась Рарог и означала сокола, Мекленбург, будучи еще славянским, назывался Рюрик и тоже означал сокола, у древлян сокол назывался руриком, у поморян рюриком, у верхних лужичан и современных украинцев – рурком...

Она расхохоталась. Смех был злой и больно резанул его.

– Вот-вот! Весь ты там, в прошлом! А зачем это тебе?

– Но разве не важно узнать истину...

– Смотря какую. Ну узнали мы, что Рюрик был не скандинав, а западный славянский князь с острова Рюген и явился в Новгород по зову своего тестя Гостомысла, новгородского посадника, на дочери которого Умиле, или Ефанде, был женат... Ну и что? Что с этого?

Он наконец встретился с ней глазами, убито уронил голову. Действительно, что с того? Не показалось ли, что стало чуть легче?

– Я на лето здесь не останусь, – сказала она неожиданно. – Извини, но я живу сейчас, в этом мире. А ты... Извини, если я несколько жестковата.

– Ничего, – ответил он с усилием, закончил хрипло: – Без околичностей...

Вернувшись домой, поспешно включил телевизор, магнитофон, распахнул окно во всю стену, чтобы и оттуда несся шум, отвлекал, не давал сойти с ума от лютой тоски и горечи.

Пальцы нащупали корешок «Всемирной истории». Увесистый том, большой формат, зеленый переплет... Врачи еще год назад прописали ему режим библиотерапии – лечение специально подобранными книгами. Болезнь перестала нарастать лавиной, книги сдерживали ее, но, уткнувшись в страницы, не пройдешь по улице...

Глаза побежали по строкам:

«К середине VII в. славяне расселились почти по всей территории Балканского полуострова. Они заселили Фракию, Македонию, значительную часть Греции, заняли Далмацию и Истрию и проникли в Пелопоннес. На своих быстроходных ладьях славяне предпринимали частые набеги на острова Эгейского моря. Славянские войска осаждали Фессалоники, доходили до стен империи – Константинополя. Немало славян переселилось и в Малую Азию»...

«Известен ряд славянских князей, которых византийцы привлекали на свою службу, назначали полководцами, начальниками эскадр, пограничных областей».

«В 860 г. русское войско, мстя за нарушение византийцами какого-то договора и за убийство русских, осадило Константинополь и едва не взяло город. Вскоре нападения руссов на Византию возобновились».

А разве не примечательно вот это:

«Несмотря на то, что хазары жили у берегов многоводной Волги и Каспийского моря, Масуди говорит о них: «Царь Хазарский не имеет судов, и его люди к ним непривычны... Море Нейтас (Черное море), говорит он в другом месте, есть Русское море, никто, кроме руссов, не плавает на нем»...

Нервное напряжение чуть ослабело. И все же болезнь зашла далеко, библиотерапия лишь успокаивает, а вылечить уже не сможет. Так что сны могут быть вовсе не случайными.

Председатель комиссии в раздумье побарабанил пальцами по столу.

– Но тут, – продолжал он, глядя на Вадима с сомнением, – вмешался психиатр... Заявил, что ваша закомплексованность прогрессирует. Вы уже, дескать, на грани госпитализации.

– В психушку? – спросил Вадим, пытаясь шуткой разрядить страх, который сдавил так, что стало трудно дышать.

– Это не обязательно надолго, – ответил председатель. – Отдохнули бы... Но психиатр, увы, высказался за археотерапию.

– Мне разрешен поиск в прошлом? – прошептал Вадим, еще не веря. Кадык нервно задергался, на глаза навернулись слезы.

– Ну, я бы не назвал это поиском.

– Но хотя бы разок.

Председатель комиссии сочувствующе отвел глаза, бесцельно подвигал бумаги на столе.

– Мнения комиссии разделились... Дело новое, еще сохранились некоторые возражения вообще. Но вам все же дано право на одно путешествие по прямой генетической линии. Будем надеяться, что это вам поможет хоть в какой-то степени. Устав, инструкции, правила – первая дверь по коридору направо.

Он падал сквозь страх и боль, зубы стиснул, чтобы не завывать от животного ужаса, но тут ноги ударились о твердое, с глаз спала пелена, и он увидел, что стоит на палубе большого судна, над головой дрожит плотное полотно паруса, а впереди море, бескрайнее море...

Сзади крикнули. Он судорожно обернулся, сглатывая слюну от страха. Там чернел берег, борт корабля почти терся о толстые бревна причала, переходной мостик был совсем коротким. На корабле замерли в строю рослые, широкоплечие воины, тяжеловооруженные: поверх кольчуг – булатные панцири, на поясах длинные мечи с широкими лезвиями, у каждого третьего – клевец или булава.

С берега к причалу спускался человек, одетый просто, в белой вышитой рубашке, только пояс оттягивал тяжелый меч. Воины вытянулись, и Вадим тоже почему-то подобрался, замер.

Человек в белой рубашке ступил на причал, остановился, зорко всматриваясь в воинов. Был он выше среднего роста, с могучими, литыми плечами, длиннорук, грудь была так широка, что там поместилась бы наковальня, зато вместо пояса ему мог бы послужить девичий венок.

Вадим встретился с ним взглядом, вздрогнул, вытянулся. Сердце разрывало частокол из ребер. Святослав!

Голова князя, чисто выбритая и загорелая, блестела под солнцем, лишь длинный клочок волос свисал с макушки на левую сторону, где в ухе блестела золотая серьга с бриллиантом. Глаза князя магнетически приковывали взгляд, ярко-синие, блестящие. Вадим жадно пожирал глазами сильное, волевое лицо, твердо выкованные губы, суровые складки у рта... Вот он каков, великий воитель, разгромивший могучий Хазарский каганат, что брал дань с Руси, навеки стерший хазар с лица земли и со страниц истории, выведший Русь в число сильнейших государств Европы!

Рядом с Вадимом кряжистый могучий воин, с восторгом глядя на князя, внезапно ударил рукоятью меча в щит, сипло заорал:

– Слава князю! Слава!

Море дрогнуло от страшного крика дружины:

– Слава!

Святослав властно поднял руку, все стихло. Кряжистый воин преданно смотрел на князя. От него на Вадима несло жареным мясом и луком.

– Вои! – сказал Святослав. Говорил он без усилий, но его голос несся над волнами, словно и море ему подчинилось. – Слава русского оружия – наша слава. Вам ее нести по чужим странам! Вы не первые, кто идет на службу в Испанию: у халифа Кордовского аль-Гакема служили две тысячи славян... Отборное войско! Арабы их звали немymi, ибо нашим воинам не было нужды учиться по-арабски: знать сама была из русичей, дулебов, сербов... Абдурахман III увеличил число славян-телохранителей до четырех тысяч, а вот сейчас, после его смерти, на престол встал аль-Гакем, который тут же назначил главным визирем, гаджибом по-ихнему, Джафара аль-Саклаби, нашего земляка! Тот еще в молодости покинул Славутич, пошел искать славы в чужих землях... У аль-Гакема сейчас пять тысяч русичей в коннице и тысяча в пешем строю – это лучшие воины во всей Испании! Однако аль-Гакем просит еще две тысячи рат-

ников. Так пусть же грозный Перун незримо сражается в ваших рядах! Ищите себе чести, а князю славы!

По знаку Святослава отроки передали ему стяг: копьё с трезубцем на конце, конским хвостом у наверхия и желто-синим куском материи, символизирующим солнечного бога Сварога и небо вирия, куда после смерти уходят русичи...

– На главный корабль! – велел Святослав.

Взвился лес рук, солнце раздробилось и запрыгало по лезвиям мечей. Вадим вздрогнул, когда сотни рук одновременно ударили рукоятями мечей в панцири, небесная твердь треснула от страшного клича: «Слава!»

Рослый воин бережно принял стяг. Его укрепили на корме, а суда уже снимались с якорей, и корабли, как гигантские плуги, начали вспарывать покров моря, оставляя позади белую пену...

Вздрагивая от пережитого потрясения, Вадим прижался к мачте, стараясь как можно меньше привлекать внимания, дважды помогал тащить связку пеньковых канатов, бестолково суетился, создавая видимость деятельности, и тут в глазах внезапно потемнело, запрыгали звездочки, он протянул руку, стараясь ухватиться за снасть, но пальцы вдруг уперлись в мокрое, покрытое слизью дерево. За бортом корабля грозно катились светло-зеленые волны, дул холодный резкий ветер, пронизывая до костей...

Это был другой корабль, другое море, другие люди!

Вадим в страхе оглядел себя. Теперь он был одет теплее, на толстой вязаной рубашке плотно сидела кольчуга, на грудь и плечи приятно давили пластины доспехов. Вместо меча на поясе висел клевец, боевой топор. Над головой, едва не задев, пронесся шест реи, кто-то насмешливо и предостерегающе крикнул. Вадим поспешно отпрыгнул к борту. Парус дрожал под напором ветра, мачта тоже подрагивала, а нос корабля рассекал волны со странным шумом, будто те состояли из песка.

Вадим оглянулся, едва не вскрикнул. Все море, куда ни кинь взгляд, покрыто крутобортными кораблями, вместительными, а вдоль бортов, наращивая их, один к одному прижатые, висят ярко-красные щиты, между ними оцетинились копья. «Насады черленые», – вспомнил Вадим былинное название таких судов. Нау – означает на санскрите корабль, садас – дружина. А черленые они потому, что чару – красивый, хороший, ланг – выглядеть, казаться...

Воины спали, точили мечи, удили рыбу, несколько человек следили за парусом, двое стояли у руля. Вадим, прикидываясь занятым, осторожно передвигался вдоль борта, прислушивался к разговорам, тяжелый клевец бил по коленям, мешал. Вадим старался не выглядеть мешковатым, неумелым, ибо руки у него теперь были жилистыми, кисть правой стянул бело-розовый звездообразный шрам, явно след от стрелы, на ладонях плотные мозоли от рукояти меча, рукопашных схваток...

На корме, укрывшись от холодного ветра, сидели двое дружинников. Один, постарше, сцеплял колечки в кольчуге, пытался заделать дыру, второй же, молодой и красиво одетый, посматривал насмешливо, наконец посоветовал:

– Брось... Захватим Царьград, готовых набересть. Ромеи доспехи делают знатные!

– А как не возьмем? – усомнился воин.

– Четыре года тому тоже не взяли, но потрепали их войска так, что сам кесарь все богатства Царьграда выволок нам, последние штаны снял, только бы откупиться. Оружия и злата набрали видимо-невидимо, а дорогие ткани и грузить было некуда: кораблей не хватило!

Старший дружинник завистливо окинул взглядом товарища:

– Ты вон всего нагреб... И доспехи, как у знатного ромея, и одежда. Хорошо, повезло бы и теперь.

– А что бы нет? Аскольд и Дир показали себя воинами бывалыми. Всю жизнь с германцами воевали, не вина, что те наших западных братьев теснят...

Вадим присел за мачтой. Понятно... в 862 году с Рюриком прибыли в его дружине Аскольд и Дир, пожили в Новгороде, потом водным путем добрались до Киева, а уже в 864 году 200 вооруженных судов с русской дружиной осадили Царьград!

В Византии недаром поднялась тревога. Прибыл огромный флот, вместивший грозное войско! Значит, уже все было готово к походу, ибо невозможно было бы Аскольду и Диру построить и оснастить флот меньше, чем за год! Киевляне уже были морским народом, иначе пришлось бы сказать, что суда построены западными мастерами, которых Аскольд и Дир после своего утверждения в Киеве вызвали из западных славянских земель, с острова Югенда. А ведь еще немало времени бы потребовалось и на то, чтобы самим Аскольду и Диру прибыть из Новгорода в Киев, заслужить доверие киевлян на избрание в князья, на вызов из отечества множества корабельных мастеров, постройку и оснащение 200 кораблей...

Чушь! Киевляне, судя по этому флоту, прекрасно знали кораблестроение, представляли собой мощное государство и мощную морскую державу!

Он ежился за мачтой, все понимая, распутывая клубки истории, но облегчение не приходило, страх все рос, заполнял грудь. Здесь все было страшное, грубое, жестокое. Суровые лица, нередко испещренные шрамами, громкие резкие голоса, надменные взгляды, груды мечей, кевцов, копий, кинжалов. И это не то, не то...

Он всей душой страстно стремился покинуть это место, уже поймал на себе несколько подозрительных взглядов, наконец один сутулый воин с лицом, похожим на ястребиное, поднялся и направился к нему.

Вадим сжался, все его существо молило о том, чтобы поскорее покинуть этот корабль, уйти, он набрал в грудь воздуха, и черная пелена ударила по глазам, в уши вонзился тончайший визг, палуба исчезла из-под ног, он падал в бездну, заледенев от ужаса, словно сорвался с крыши небоскреба, сердце останавливалось, и он в смертной тоске уже чувствовал близкий удар.

Его швырнуло, по лицу хлестнула толстая жесткая веревка, он уцепился за мачту, дрожащий от холода, мокрый с головы до ног, попав в ночь и снова оказавшись на корабле, а прямо по носу судна, освещенная ветвистыми молниями, вздымалась черная, как ночь, волна. Настил палубы уже задирались, а сзади гремел страшный голос:

– Рулевой!.. Ошую, ошую держи!

Мир опалила бледно-ядовитая молния, оглушительно грянуло, словно ночные велеты разъяренно ударили тяжелыми молотами по тверди неба, и та с треском разломилась, распалась на куски, и Вадим увидел, как в замершем, остановившемся от ужаса свете по деревянному настилу катится сбитый волной человек.

– Ошую! – Голос кричавшего сорвался на визг.

Вадим прыгнул, ударился о толстое бревно руля, в глазах от боли потемнело, но уперся в скользкую палубу, где вода гуляла по щиколотку, пошел сдвигать влево, как велел голос.

Из грохота и молний выскочил еще один: морской бог в мокрых блестящих доспехах, из щелей лилась вода. Вдвоем навалились, соприкасаясь плечами.

Море уже осталось внизу, а их вздымало на вершине водяной горы все выше и выше, и вот не стало даже моря, только низкие черные тучи с треском рвались о голую мачту, со всех сторон с шипением били ветвистые молнии, но корабль уходил вверх, а сполохи молний уходили вниз, за борта. Вадим похолодел от смертного страха, а их вздымало все выше!

Рядом побелел лицом воин в доспехах, глаза его в отчаянии вылезали из орбит, но вдруг кормовое весло пошло так легко, что оба рухнули плашмя на мокрые доски, и тут палуба под ними так же внезапно пошла вниз.

– Руль!

Сбив их с ног, у весла оказался грузный тяжелый воин, с легкостью рванул его на место и замер, как скала. Призрачный свет молний высветил богатые доспехи, черную кудрявую

голову, и когда незнакомец оглянулся – Вадим удивился странной смеси веселья и ярости на его лице!

Вадим поднялся, задавливая страх, корабль уже не скользил в бездну, выровнялся, но впереди выростала другая волна, целая стена, настоящая гора воды, и гребень ее угрожающе загибался вперед...

Он ухватился за бревно, дрожа от холода и напряжения. Кто эти воины? Доспехи почти на голом теле, значит, тут тепло. Воины тавроскифского князя Ахилла, который спешит на помощь союзникам ахейцам? Тогда это 1230 год до нашей эры... Или бежит с родины другой славянский князь, Скилл, которого соотечественники приговорили к казни за то, что изменил древним обычаям, стал поклоняться греческим богам? Или, скорее всего, обычный воинский поход в дальние страны...

Когда море успокоилось, он без сил валялся на нижней палубе среди самых слабых. Дружинники как ни в чем не бывало ходили по кораблю, удили рыбу, грохочуще хохотали над пережитыми страхами новичков.

На корме, стиснутый воинами, расположился с кобзой в руках бритоголовый, с длинным седым чубом воин, что поседел наверняка в битвах – шрамов больше, чем морщин! Негромко и торжественно трогал струны, пел. Вадим слов не разобрал и, собрав побитое тело, охая и цепляясь за снасти, добрел по борту к слушателям.

Под ногами качалась палуба, напоминая, что под кораблем – бездна, куда ни глянь – бесконечные волны, вдали измельчаются так, что дальше гладь, бесконечная гладь, аверху такое же бесконечное море... И только здесь – такие временные люди!

Вадим ощутил тянущую пустоту, даже перегнулся в пояс. Во рту пересохло. Этих людей уже нет в его времени. Давно нет! Они только здесь, в этой точке пространства...

Старый воин трогал струны, пел торжественно, негромко, но голос звучал сильно, не старчески. Руки двигались по кобзе могучие, жилистые.

Вдруг, с маху оборвав его песню, по кораблю прокатилось резкое:

– Тревога!

Воины вскакивали, в толчее каждый пробивался к борту, где висели его щит и копье. Вадим выдернул меч, огляделся.

Далеко в море показались корабли. Вадим насчитал двенадцать судов. Длинные, ровные, с небольшими квадратными парусами, они шли с помощью двух рядов весел. У самого большого корабля даже три ряда весел... Трирема, главный корабль!

– Пеласги, – сказал рядом с Вадимом знакомый голос. Воин повернулся, Вадим узнал старого певца. На нем, закрывая седой чуб, сверкал остроконечный шлем, в руке свирепо подрагивал странно узкий меч с криво загнутым лезвием. – Протоселены, то есть долунные, как они себя кличут. Дескать, еще Луны на небе не было, когда они здесь появились...

– Друзья или враги? – нетерпеливо допытывались со всех сторон.

Старик помедлил, ответил тяжело:

– Мы одного корня... Еще и сейчас язык почти один, но они давно ушли от Славутича, от наших земель... Кровь у нас одна, но они уже забыли родство, нападают на наши корабли...

Вдоль борта, хищно пригибаясь и не отводя взгляда от приближающихся судов, быстро шел князь. Доспехи на нем блестели, как блестели и зубы, острые, словно у зверя, когда князь оскалился в жестокой усмешке:

– Изготавливаются к бою... Видит Сварог, мы не хотели! Но уклоняться от битвы не в обычае нашем. Что ж, не посраим!

– Не посраим!

– Чести, а князю славы!

Воины пригнулись, затаились за высокими бортами. Несколько человек собрали в кольца канаты с крючьями на концах. Вадим сидел на корточках, прижавшись к доскам, а по ту сто-

рону плескало бездонное море, доносились звучные шлепающие удары весел триремы – полторы сотни весел!

Вдруг грозно прозвенела над головой первая вражеская стрела!

Колени дрожали, губы начали дергаться. Сердце колотилось так, словно уже отчаянно отбивался, спасая жизнь. Рядом присел крепкий мужик, в глазах блистало грозное веселье.

– Пусть идут, – шепнул он свирепо. – Вина достаточно, попируем, угостим на славу, на вечный покой уложим к рыбам в гости!

Вадим судорожно кивнул, ответить не в силах. Издали донеслись хриплые от ярости крики, зазвенело оружие. Над головой снова свистнуло, хлестко ударили стрелы, упала на руки срезанная с борта мокрая щепочка, но тут корабль содрогнулся, будто налетел на каменную стену, затрещал борт.

Вадима бросило на доски. Рядом вскакивали люди, грозно крича, метали копья, взвились веревки с крючьями. Вадим вместо волн увидел за бортом целое море шлемов с гребнями из перьев: палуба чужого корабля оказалась намного ниже, но пеласги первыми забросили крючья и теперь, победно крича, подтягивали их корабль к своему, огромному и широкому, как городская площадь.

Мелькнули доспехи князя, он на миг остановился у борта, звонко и страшно крикнул:

– Вперед!.. Не посраим! Слава!

Воины прыгали вслед, секли мечами, теснили щитами, дабы дать простор, чтобы спрыгивали свои, атакующие пеласги замялись, наткнувшись на сопротивление, которое так мгновенно перешло в ответное нападение.

Вадим вдруг ощутил, что тело ему не подчиняется, что его взяла и повела мощная неведомая сила, с которой ему не совладать.

– Вперед! – яростно закричал он и вскочил на борт. – Слава!

Выступили слезы облегчения, нет, полились по лицу, он даже разрыдался почему-то, его тут же сшибли, едва оказался на чужой палубе, два копья ударили в грудь, скользнули по панцирю, он вывернулся, одно копьё отвел в сторону, за другое рванул так, что едва не вывернул противнику руки, и с наслаждением швырнул чужака на палубу под ноги прыгающих сверху.

Еще одно копьё больно садануло в бок. Он отскочил с непривычной для себя ловкостью, закрылся щитом, тут же наискось рубанул по оголенной шее врага.

Пеласгов было впятеро больше, но закованные в булат воины молча и упорно теснили их по кораблю, секли, сбивали за борт, усеивали палубу телами, ибо у пеласгов доспехи закрывали только голову и грудь, лишь у немногих были еще легкие поножи и наручи. Лучники же, перебежав к носу, торопливо расстреливали столпившихся там пеласгов: каждый быстро выпускал стрелу, тут же хватал другую, почти каждая находила цель.

Вадим, яростно прорубаясь к мачте, увидел, как с другой стороны к триреме быстро скользнул другой корабль, ударился бортом. Оттуда сразу посыпались с грозным кличем воины. Пеласги стихли, разом перешли к глухой обороне, сгрудились в центре корабля вокруг мачты.

Во главе воинов со второго корабля летел... побратим Иваш! Такой же, каким являлся во сне: в красном плаще, русобородый, статный. Он и сейчас кричал весело, весь светлый и красивый:

– Вадим!.. Друже!

Вадим отбил удар пеласга, поймал на обманное движение, обрушил меч на незащищенное плечо. Иваш пробился, стал рядом. Вадим ощутил несказанное облегчение – брата не было, одинокий ребенок, а тут побратим, больше, чем брат! – но страшное воспоминание ударило, как молния, опалило возбужденный мозг.

И почти сразу же, расшвырнув воинов, вперед вырвался гигант в доспехах – башня из металла, в одной руке меч в половину человеческого роста, в другой – огромный щит. Голова с пивной котел, сквозь прорезь в шлеме брызнули злобой ямы глаз. Вадим успел заметить налитые кровью белки. Гигант взревел, прыгнул с неожиданной легкостью, палуба затрещала, меч рассек воздух...

Вадим похолодел, руки стали ватными. Щит неуверенно дернулся вверх, но страшный удар остро рванул кисть, плечо ожгло. Половинки щита запрыгали по палубе, а меч великана, сорвав пластинку панциря с плеча, ссек огромный кусок доски с борта, перерубив толстые гвозди.

Сбоку крикнул Иваш, отвлекая гиганта. Вадим споткнулся, отступая, а гигант, хищно пригибаясь, уже почти рассекал его пополам, но сбоку блеснул шлемом Иваш, отчаянно ударил пеласга обломком меча. Гигант мгновенно повернулся, Иваш отскочил неудачно, запутался в снастях, пеласг замахнулся, и Вадим увидел, как на левом боку врага чудовищные мускулы раздвинули пластины доспехов...

Сцепив зубы, теряя сознание от страха, он бросил себя вперед и, когда гигант навис над Ивашем, по панцирю огромного пеласга скользнуло лезвие меча... Вадим почти промахивался, но последним усилием воли обеими руками направил острие между полосками металла.

Меч вошел тяжело, словно гигант был из дерева. Страшный крик потрянул корабль. Вадим увидел перед собой в прорези шлема бешеные глаза гиганта, доски ушли из-под ног, голова взорвалась от резкой боли, палуба ринулась навстречу, сверху рухнула тяжелая, как слон, волна, удушила, потащила в себе вдоль бесконечного борта.

Кто-то наступил ему на пальцы. Он с трудом поднялся на колени. Кровь бежала с разбитого лица, вся одежда промокла и отяжелела. Лязг оружия и шум боя быстро стихали, лишь изредка доносился крик – это воины находили укрывшихся, деловито приканчивали и бросали за борт.

– Вадим, ты жив?

Сильные пальцы подхватили его под руки. Иваш счастливо смеялся, тряс за плечи.

– Ты жив, – выдохнул Вадим.

– Да. Свалили чудище мерзостное... Как ты его ловко поцелил!

– Ты жив... жив...

Он дрожал, ему казалось, что тело плавится и принимает другую форму, каждая косточка трясется, ищет себе место, но находит другое, каждый нерв дрожит и, успокаиваясь, тоже, однако, сцепляется с себе подобными уже в других местах, но впервые перемен не боялся.

– Мы живы, – сказал Иваш ликующе. – И жить нам, друже, вечно!

Он обнимал Вадима, а тот невольно думал о вмешательстве в события. Ведь Иваш должен был погибнуть... Как отразится на будущем?

Палуба резко накренилась. Он ухватился за мачту, ветром забросило клочья пены ему в лицо, он инстинктивно зажмурился, и тут же наступившая тишина оглушила, в ушах раздался пронзительный звон. Он оглянулся, еще не узнавая огромный зал и аппаратуру вдоль стен.

Люди в белых халатах замерли, подавшись в креслах к большому экрану, где медленно исчезало огромное лицо Иваша, и сквозь струйку крови на его щеке уже просвечивало оборудование лаборатории.

Старший медик оглянулся, вскочил:

– О, вы уже вернулись!.. Большое спасибо вам, каждый кадр – неоценимое сокровище. Я был прав, ваша закомплексованность оказалась фактором благоприятным. Даже жаль, что теперь вам в прошлое уже нельзя.

Вадим, не слушая его, кивнул рассеянно, пожал всем руки и вышел. Нельзя так нельзя. Прошлое отныне с ним навсегда.

Улица встретила рассеянным утренним светом. Каменный город выглядел надежным, вечным, всегдашним.

Возле его дома на углу толпились туристы, ожидающе оглядывались на двери соседнего подъезда. Загорелый атлет с гитарой, весь в бицепсах и в яркой майке с чужой надписью бил всей пятерней по струнам, стучал по деке, провоцировал своих рюкзачников на песню. Все держались весело, размашисто, подчеркивая необычность людей, которые выезжают за город на природу на целый день.

Когда Вадим шел мимо, из подъезда выбежала Татьяна. Рюкзачок за ее спиной еще больше оттянул плечи назад, придав ей вид женщины модно беспомощной и беззащитной, чтобы любой слабак ощутил себя рядом с нею мужчиной. Туристы восторженно заорали, гитарист сыграл туш.

Вадим холодно отодвинул их взглядом с дороги. Прошел он весь как из гранита, с развернутыми плечами, твердым лицом. Она и эти, не желающие воскресить в себе прошлое, люди-однодневки...

Татьяна кивнула приятельски, тут же забыв о нем. Он ответил нейтрально, даже благожелательно. Она запнулась, оглянулась в красивом полуобороте, ресницы удивленно взлетели:

– Кстати... где ты был эти дни?

– В морских походах, – ответил он непривычно сильным голосом.

– Откуда ты?.. А, побывал? Разрешили?.. Да погоди же! Что-то ты какой-то... Слушай, – вдруг заторопилась она нервно, то избегая его взгляда, то жадно обшаривая глазами его лицо, – если не хочешь с нами, то могу я... Погоди же! Могу остаться. В конце концов, и на прудах ничего.

Туристы притихли. Загорелый было выдвинулся, выпячивая челюсть, но, перехватив взгляд Вадима, стих, уменьшился в размерах.

Вадим отмахнулся:

– Езжай! Какие там пруды. Работы много! Езжай-езжай! Счастливо отдохнуть, ребята. Устали, поди, наработались за свою жизнь.

Он поднимался к себе легко, пружинисто, впервые не цепляясь за перила. И темные тени в подъезде уже не заставляли сжиматься...

Какие тени? Он сам искал их и рубил под корень, очищая мир. Где мечом, где словом, но мир с каждым поколением светлел хоть чуть-чуть...

Он, Вадим Явор, рубился с врагами, водил корабли, а в страшную ночь Атлантиды успел добежать до корабля! Его миллионлетняя цепь жизни вынырнула из пещеры и протянулась до этой минуты... От него зависит: из темного вчера потянется ли цепь в светлое завтра, или же он, трус и неврастеник – ладно, бывший, – оборвет ее?

Ноги несли его со ступеньки на ступеньку. Не оборвет... Те люди имеют право на жизнь. Он просто обязан.

Гм, только одно. Если вдруг его далекому потомку понадобится скользнуть в нынешнее время за поддержкой... Что ж, надо, чтобы он ее нашел.

Абсолютный развод

Председатель суда с сочувствием смотрел на их измученные лица, иссохшие губы, желтую кожу и темные круги под воспаленными глазами.

– Нам нужен развод, – заявила женщина.

– Если вы твердо решили, – сказал председатель, – то все можно было сделать еще в районном суде...

Мужчина прервал устало:

– Обычный развод нас не устраивает. Мы уже расставались, но потом, как ни проклинали себя за слабость, оказывались вместе снова... Жили, это был ад для обоих, снова расходились. Однажды даже разъехались на разные континенты, но через две недели каким-то образом снова оказались вместе...

– Нам нужен развод абсолютный! – сказала женщина неистово. Голос ее был хриплый, страстный. – Безвозвратный развод! Мы просим направить нас в Службу Времени, что распределяет людей по эпохам, наиболее соответствующим им по складу характера.

Председатель испытующе посмотрел на них, поморщился:

– Все прямо помешались на этой службе. Еще надо доказать, что вы родились не в своей эпохе. Так сказать, слишком рано или слишком поздно...

– А если докажем? – спросила женщина жадно.

Председатель помедлил, сказал неохотно:

– В принципе... в принципе возможно, хотя шансы мизерные. Почему? Объяснят в Службе Времени. Извините, недостаток времени...

Он поднялся, опираясь обеими руками о стол, в полировке отразился по пояс, став похожим на карточного короля.

Они вышли из кабинета.

– Не король, валет, – буркнул мужчина вполголоса.

– Что? – не поняла женщина.

– Это валет, а к королю сейчас идем.

Время было неудачное, потому что улицу запрудил народ, что валил из расположенных рядом двух заводов. Приходилось буквально проталкиваться, ибо навстречу шли крепкие молодые парни, здоровые девушки, у которых трудовой день не отбил желания наскоро помыться и бежать в дискотеку.

Она хмурилась, кусала губы.

– Ненавижу, – вдруг сказала люто. – Ненавижу эти взгляды! Смотрят, будто раздевают.

– У тебя фигура сказочная, – согласился он безучастно. – А засматриваются потому, что не знают твоего характера...

– Скоты, – заявила она все с той же ненавистью, еще больше воспламенившись, сатанея от его слов, – хотела уже щеки поцарапать, шрамами обезобразиться, вот уже волосы срезала, темные очки не снимаю...

– Идиотка, – сказал он. – Теперь как тифозная.

– И все равно липнут! – отрезала она свирепо. – Все равно смотрят, все равно пытаются... Я же вижу, что хотят эти полуживотные! Живут одной своей оболочкой, пустые, абсолютно пустые внутри!

Он промолчал, только с бессознательным мужским кокетством напряг мышцы и дальше шел рядом весь в литых мускулах, могучий, налитый красотой античного бога.

Уже не разговаривая, они шли дальше, пока не вышли к серому шестиэтажному зданию грубой довоенной постройки. Подъезд пахнул сыростью, неуютом, провел по узкому коридору, нехотя вывел на лестницу, где марши показались бесконечными...

Они прошли первый контроль, второй, третий – наследие времен, когда от желающих убежать из своей эпохи отбоя не было, – попетляли по коридорам, пока нашли кабинет администратора.

К удивлению, кабинет оказался прост, мал, а сам администратор, живой, как ртуть, румяный и весь улыбающийся, вскочил им навстречу, словно обрадовался избавлению от безделья:

– Здравствуйте! Чем могу быть полезен?

– Здравствуйте, – ответил мужчина.

Он протянул решение суда. Администратор прочел, омрачился на миг, но тут же сказал с наигранным оптимизмом:

– Итак, Наталья и Олег Тропинины оставляют в прошлом даже совместную фамилию... Ну, чему быть, того не миновать! Раз уж случилось, давайте решать вместе.

– А что решать? – возразила Наталья нервно. – Все решено. Настаиваем на своем праве жить в эпохах, наиболее близких нам по психике, по характерам.

Администратор повернулся к Олегу:

– И вы настаиваете?

– Со всей решимостью. Как можно скорее!

– Присядьте, присядьте, пожалуйста... Дело не в том, чтобы определить, так сказать, вашу эпоху... Трудности в том, чтобы пристроить вас там. Перенос в классическом варианте невозможен, мы и шепочки не в состоянии передвинуть ни назад, ни вперед и на секунду...

– Мы это знаем, – сказал Олег нетерпеливо.

– Да, это все знают. Остается лишь обмен личностями со своим предком. Или потомком. Обмен по прямой генетической линии, обмен не телами – личностями. Понимаете? И то лишь в случае, если наша эпоха им подходит больше, чем своя.

– Да, мы об этом читали.

– Эх, читали, слышали... А представляете? Здесь, в чужом для вас мире, вы все же прижились, привыкли. А там?

– Приживемся, – сказал Олег мрачно. – Согласно кодексу о развитии личности мы имеем право жить в эпохе, которой больше всего соответствуем.

Администратор развел руками. Олег и Наталья сидели мрачные, исполненные решимости, и он, сделав несколько переключений, встал из-за пульта.

– Прошу в машинный зал. Проверим, действительно ли вы больше подходите для других эпох. Признаться, эти случаи довольно редкие... Но даже если вы и не от времени сего, то вряд ли отыщутся по вашей генетической линии тоже родившиеся не вовремя.

Уже в коридоре Олег спросил с надеждой:

– А если... отыщутся?

– Тогда сразу же и обменяем.

Он не поверил:

– Прямо сегодня?

Наталья тоже вся вспыхнула. Глаза зажглись. Администратор сказал небрежно:

– Это займет не больше получаса. Теперь это упростилось, умеем.

Они прошли в большой зал. Когда-то здесь сняли перекрытие между этажами, и теперь в центре помещения размещался вытянутый пульт, с которого следили за блоками ЭВМ, занимавшей все четыре стены.

Двое механиков молча подсоединяли Олега и Наталью к зондирующим комплексам, а администратор, блестя глазами, с удовольствием плюхнулся в кресло, сказал благожелательно:

– Как ни странно, но люди разных эпох легко взаимозаменяемы! А ведь сперва казалось, что перед человеком, скажем, десятого или первого века и нашим временем преграда прямо неодолимая!

Олег, поворачиваясь, как кукла, в руках техников, буркнул:

– А разве не так? Или и у них были самолеты, трамваи...

– В том-то и дело, что не так! Что техника? Человек в прошлые века, когда переезжал из страны в страну, тоже сталкивался с новыми обычаями, языком, нравами, одеждой, моралью... Даже моралью! Технику не обязательно понимать. Не всякий наш человечек понимает, что происходит, когда он включает телевизор! У них, у древних, были вещи помогуще...

– Например?

Администратор хитро посмотрел, засмеялся:

– Вижу, настроились услышать про атомные станции древних, летающие корабли атлантов, термоядерный синтез в Лемурии, словом, все ту же технику. Не отпирайтесь, по глазам вижу. Но техника – это так мало... Как будто уровень цивилизации измеряется по технической мощи!

Опутанные проводами, обвешанные датчиками, они оба смотрели недоверчиво и непонимающе.

– Эх, как бы вам попроще... Вот человек без всякого научного или технического образования еще в 544 году до нашей эры создал свой путь развития личности и общества, не будем дискутировать – прав или не прав, – но вот и сейчас у него есть последователи в ряде стран... Или совсем неграмотные сын плотника и погонщик верблюдов создали один за другим с интервалом в 600 лет религиозно-этические учения, и вот сейчас вся мощь нашей науки не может окончательно вышибить их, опровергнуть! А вы говорите – дикари. Они были поразительнее нас в иных вопросах. Важных вопросах. А что науки не знали, на трамваях не ездили, синтетического мяса не ели, то это еще не значит, что мы культурнее.

Их усадили, на экранах пошла пляска кривых, замигали лампы. Подошли еще специалисты.

Администратор продолжал с энтузиазмом:

– Культура сохраняется при одном условии: если впитываются достижения прошлых веков, развиваются! А у нас? С наукой приобрели многое, а сколько потеряли? Спихнулись теперь, наверстываем... Да, вы угадали, путем перемешивания человечества из разных эпох – тоже. Ведь не дикарей запускаем к ним!

Один из техников пробурчал:

– До сих пор не пойму, как они уживаются...

– Уживаются? – откликнулся администратор живо. – Мгновенно начинают действовать!

Нам в своем сложнейшем мире кажется, что нашими крохотными усилиями ничего не изменишь, потому и не пытаемся, а эти приходят из племени, которое все умещалось в одном городище, а вокруг чужие, потому каждый поневоле участвует в «Международных» делах, впрочем, можно без кавычек, воюет, защищает, утверждает... Словом, каждый, кроме того, что скотовод и землепашец, еще и государственный деятель! Если что-то не так, тут же орет, что, дескать, не с печенегамы надо воевать, а с хазарами или берендеями... И нередко его голос бывал решающим!

Техники сняли с побледневшей Натальи провода.

Администратор покосился на табло, но продолжал:

– Скажите, вам нравится постройка города-спутника в космосе?

– Нет, – ответила она.

– Нет, – ответил и Олег так же тускло, – я против.

– А почему не протестуете?

– А что я могу? Там академики, а я механик стиральных машин.

– Вот-вот! Даже в таком пустяке пасуете. А те, из других эпох, не молчат!

Он спихнулся, встретившись глазами с Натальей.

Она была измучена, на ее лице было написано: когда же этот дурак заткнется, им же плохо, очень плохо, как он не видит?

– Извините, – сказал администратор, вскакивая. Он побледнел. – Токую, как тетерев... Сейчас сделаем все, что сможем. Зондирование закончено, можно попытаться с обменом. Если не получится, не взывайте...

В левой части зала над полом возвышалась на полметра металлическая плита. Отполированная, она рассыпала лучики, и каждый, попадая в сердце, колот, как острое стекло.

– Да, – сказал за спиной администратор сочувствующе, – это конец...

Они одновременно поднялись на плиту. Олег инстинктивно повернулся спиной, чтобы даже в этот момент не видеть женщину, которая истерзала ему душу. Она встала рядом, тоже отворачивая лицо, на котором были отвращение и ненависть.

– Вы приняли тяжелое решение, – сказал администратор.

– Включайте! – закричали оба в один голос с болью.

Ревнули машины, едва слышно завибрировал пол. Воздух в зале сгустился, потемнел, внезапно все сожгла яркая вспышка, их выдернуло из плоти, страшный вихрь подхватил и понес через силовые поля, тьму, пространство, время, галактики...

Олег с трудом переждал тьму, борясь с тошнотой и слабостью. Когда зрение прояснилось, увидел хорошо обставленную комнату, книжный стеллаж во всю стену, широкий диван, добротный письменный стол, на котором возвышалась пузатая настольная лампа, с низкого потолка падал странный свет, высвечивая массивный чернильный прибор, телефонный аппарат.

Под ним было мягко, в стенах приглушенно шуршало. Он сидел в глубоком кресле, прямо перед ним стоял телевизор. Кресло заурядное, имитация под старину, телевизор «Электрон-718», у него тоже такой был, пока не купил получше...

Он же должен был перенестись в будущее! Однако похоже на его время, даже на предыдущие годы...

Он вскочил, быстро обошел комнату. Слева дверь, толкнул осторожно. Не подалась, подергал за ручку, нажал плечом, створка вдруг исчезла, и он влетел в другую комнату, такую же, только обои другие да телевизора нет, а так все те же книжные полки, стенка, стол, кресла, картины на стенах...

Еще дальше – широкие окна, дверь. Угадывается свет, но увидеть ничего нельзя, похоже, стекла полароидные.

Нажал уже испытанным способом, створка исчезла, ударило свежим ветром, он по инерции выскочил на балкон, налетел на перила.

Под ним сказочный город! Его город, потому что некоторые здания строили еще при нем, он узнал их, теперь они выглядели жестоковатыми архаизмами среди новых, светлых и радостных. Исполинские дома соседствуют с крохотными, словно бы вынырнувшими из русских сказок, блестят широкие ленты автомагистралей, извиваются узкие дорожки парков... Пронеслись над зданиями бесшумные вертолеты с крупными буквами ГАИ на боках и днище...

Он жадно рассматривал дома. Лоджия, разделенная на секции, шла вдоль всего этажа. Он опустил голову, рассматривая этаж внизу, но интересного ничего нет, дом построен еще в прошлом веке, еще в его времени...

В сторонке щелкнуло. Олег быстро обернулся. В соседнюю секцию вошла, сладко зевая и протирая кулачками глаза... молодая женщина. Совершенно обнаженная, ее распущенные волосы, блестящие и тяжелые, как жидкое золото, падали до поясницы, закручивались там в крупные локоны. Явно молодая, сильная, в броне загара, длинноногая и с развитой грудью, она показалась ему изящной статуэткой античных времен, разве что плечи выглядели жалобными из-за худобы, и ключицы выступали излишне резко...

Наконец она перестала тереть глаза, обнаружила Олега, что, прижавшись к перилам, обалдело и радостно смотрел на нее во все глаза.

– Ах, вы уже встали, Валентин, – сказала женщина с легкой гримаской. – Я не знала, что вы решили подняться рано. Сейчас накину что-нибудь, чтобы не смущать ваши старомодные вкусы.

Лицо ее было неправильное, юное, скуластое, глаза огромнейшие, ярко-зеленые, а когда взглянула на Олега, у того перехватило дыхание и пересохло во рту. Она шагнула обратно, а он ошалело пролепетал в спину, изыщнее которой еще не встречал:

– Что вы!.. Совсем напротив... Оставайтесь! Извините, если я такое говорил.

Женщина вернулась почти сразу же. Тугие голубые шорты плотно обтягивали ее широкие бедра, в остальном она осталась такой же: с обнаженными плечами и грудью, голыми длинными ногами, где золотистый пушок искрился, как мириады солнышек, поясок туго стягивал тонкую талию. Она была налита до краев молодостью и красотой, глаза смотрели пылливо. В руке она держала маечку, но глаза ее – огромные, широко расставленные – внимательно изучали Олега, он же пытался смотреть ей в лицо, но его взгляд, выдавая ступеньку культуры хозяина, сползал, скользил по ее фигуре.

– Вы изменились, – сказала женщина наконец. – Раньше бы так не сказали... Или обмен удался? Вы все твердили, что рождены для прошлых эпох.

Олег с трудом оторвал взгляд. В ушах звенело, мир вне этого балкона потерял очертания, стал неинтересен, исчез вовсе.

– Вы правы... Меня зовут Олег, я из прошлого века. Из 1999 года. А как зовут вас?

– Татьяна Осинина. Держитесь вы хорошо... Адаптация почти мгновенная! Завтракали?

Маечку она небрежно отбросила, и Олег вздохнул с облегчением. Она перехватила его взгляд, раздвинула губы в предостерегающей улыбке:

– Мой наряд еще ничего не значит. У вас мода тоже шла в ногу с подавлением животных инстинктов в человеке... вспомните! Бабушки в молодости всегда одевались скромнее внучек. Пойдемте ко мне, я покормлю вас, покажу, как пользоваться кухней, комплекты везде одинаковые, а там справляйтесь сами. Мне на работу скоро.

Олег перешагнул через низенькую чугунную ограду, отлитую по типу старинных петербургских. В квартире экстравагантной соседки чуть не ошалел от обилия непонятных вещей. Женщина двигалась легко и быстро, ловкая, однако он ощутил, что прикоснуться к ней непросто.

– А почему так оскорбительно о наших инстинктах? – спросил он, усаживаясь с нею за стол, куда она выставила еду.

– Не притворяйтесь, я, как и всякий грамотный человек, историю знаю. Представьте, что человек эпохи, скажем, Пушкина или Лермонтова оказался бы в вашей эпохе, проехался бы в битком набитом троллейбусе в час «пик», где его поприжимало бы то к одной женщине, то к другой, то к третьей... Какие опрометчивые выводы сделал бы о нравственности вашего времени на основании единичного, неверно истолкованного факта? А то, что помещик силой таскает крепостных девок на сеновал, а помещица спит с конюхами...

– В нашем времени уже не было помещиков, – прервал он, – но это неважно, я все понял.

– Вот и хорошо, – сказала она с облегчением, – а то предыдущий сосед... Все мечтал о старом добром времени, то есть о вашем, бичевал нынешние нравы, так и не поняв и не приняв их.

– Я не буду бичевать, – сказал он поспешно, опять с усилием отрывая взгляд от ее развитой фигуры. – Мне здесь нравится.

– Да, вы же по условиям обмена эпохе соответствуете... Но, – сказала она вдруг резко, перехватив его взгляд, зеленые глаза диковато блеснули, – поймите правильно, не ошибитесь! Первое впечатление обманчиво.

Он смущенно поднялся, сказал твердо, стараясь, чтобы голос звучал как можно искреннее, убедительнее:

– Клянусь, понимаю! Нет распушенности, потому что ныне дух высок, но нет и ханжества, ибо и тело у нас все-таки есть, и оно тоже наше... Так?

– Теперь верю, что поняли правильно.

Она дружески поцеловала его в щеку, на миг прижавшись твердым горячим телом, взглянула на часы, охнула, схватила, как ему показалось, легкую накидку из марлевки и выбежала из комнаты.

Ощущая странное жжение в тех местах, где она прижималась к нему грудью, он осторожно вышел на балкон, перебрался через бортик в свою квартиру.

Так, у телевизора несколько сот программ... Что ж, знакомство с новым миром можно начать и с помощью экрана.

– Готова ли наша сестра?

Наталья вздрогнула. На нее с ожиданием смотрели трое высоких старцев, все в белых полотняных одеждах, один с резным посохом в руке. Дальше тянулась бесконечная унылая равнина, дул холодный сырой ветер. Наталье показалось, что прямо в воздухе веет молодостью и жестокостью этого мира.

В нескольких шагах от волхвов, ведунов, а может быть, браминов – хранителей ключей от Браммы, священных ворот в вирий, – замкнутым кругом возвышался частокол из толстых свежеструганных бревен, похожий на маленькую крепость. Изнутри слышался треск, из-за бревен поднимался столб черного дыма, пахло горелым мясом.

– Готова, – ответила она сдавленно.

Сзади лязгнуло, испуг развернул ее в другую сторону. В двух десятках шагов ровными рядами стояли тяжеловооруженные воины и все с ожиданием смотрели на нее. Вдали виднелся деревянный град, оттуда тянулась темная живая змейка, что постепенно превращалась в колонну воинов. Они все шли сюда.

Она поспешно шагнула к воротам капища, спасаясь от испытующих взглядов. Ее босые ноги озябли от росы и лишь у частокола ступили в теплый пепел.

Но едва миновала ворота, как бревна частокола, повинувшись чьей-то воле, разом затрещали, наклонились вершинами наружу и так, веером, грохнулись на землю, и снова она очутилась на перекрестье тысяч внимательных глаз!

В центре капища вместо ожидаемых Сварога, Перуна, прочих языческих богов – грубо сколоченный, словно руками великанов, помост из толстых бревен, из которого вырастает острием вверх, словно грозя небу, огромный обоюдоострый меч, и яркое солнце грозно играет, блещет на лезвии, мечет огненные блики, словно сыплет убийственные солнечные стрелы...

Меч Арея, которому приносили жертву арийские племена, затем скифские, а также славяне-кочевники!

Страх сковал ее тело. Если она ведунья, видимо, пречистой девы Даны или Роданицы, то почему ее настойчиво подталкивают к военному символу мужчин?

Молоденькая девушка, совсем подросток, обеими руками подала тяжелый каменный нож, а другая, тоже совсем юная, босоногая, протянула ей голубя. Наталья взяла птичку, та не вырывалась, только испуганно и доверчиво поглядывала то одним глазом, то другим.

Она прижала теплое тельце к мокрому от крови помосту, ударила ножом. Каменное лезвие рассекло перья. Голубь выдернул крыло из-под руки, забился. Среди воинов возник ропот. Стиснув зубы, она ударила второй раз, уже изо всех сил, камень снова не отрубил голову, и тогда, закрыв глаза и едва не теряя сознание от ужаса и отвращения, она стала пилить ножом, трудно отделяя головку с вытарашенным в недоумении на нее глазом, словно обвиняющим в предательстве.

Воины негодуя зашумели. Наконец она бросила голову голубя и тушку отдельно на хворост перед помостом, вернула нож помощнице. Шестеро мускулистых мужчин уже быстро-

быстро дергали широкие ремни, вертикально поставленный столб бесшумно вертелся острием в колоде, поднимался дымок...

Живой огонь, вспомнила она, переводя дыхание. В эту эпоху давно забыли о таком способе добывания огня, забыли о каменных ножах, но религия освящает обряды, сохраняет традиции... Эти пришли еще из каменного века!

Подожли, стали полукругом ведуны, называемые у неврах волхвами. Волки, вспоминала она напряженно, наиболее почитаемые звери ведийской мифологии, а лучшие из героев могут по ночам превращаться в волков, как и герои русских былин, правда, лишь старшего и среднего поколения героев, младшие уже не могут... В индоевропейской мифологии волки – демоны мрака и холода. Чего стоит один Фенрир, гигантский волк скандинавской мифологии! Волк и Красная Шапочка – это зима и красное солнышко, волчий и вечерний – эпитеты равносильные. Вечерницу – Венеру называют Волчьей звездой, зимние месяцы зовутся волчьими, февраль по-украински – лютый, а зиму провожают чучелом волка, волчицами вскормлены ведийские Ашвины, Ромул и Рем, немецкий Дитрих, украинские Валигора и Вырвидуб, родоначальник тюрков Турок, вот только грозный Аттила произошел от дикого пса, как и родоначальник калмыков... Древнеславянские боги Лель и Полель освободили перепелку из пасти волка... Пустяк? Но волк – это зима, а перепелка – весеннее солнышко...

Наталья напряженно всматривалась в волхование, кляня себя за то, что древнюю историю знает недостаточно. Большой поход, если в жертвоприношении участвуют даже ведуны, ведь у них свои боги, капища, обряды!

– Пусть всегда с нами святой Юр! – закричал ведун страшно.

Воины дружно ударили в щиты рукоятями мечей, взревели:

– Слава!

Святой Юрий, вспоминала она спешно. Древний солнечный бог, которому принадлежали волки: «Что у волка в зубах, то Юрий дал», затем бог войны у вторгшихся в Индию ариев, у эллинов впоследствии стал зваться Ареем, словом, начинается война... С кем? За что?

От группы волхвов отделился высокий иссохший старик, седой, лицо темное, как кора дерева, исхлестанное ветрами, в глубоких морщинах, серебряные брови нависают над глазами, как крыши. Встретившись с его взглядом, Наталья вздрогнула, ощутила озноб. Глаза смотрели с магнетической силой, подчиняли себе. Это был человек, для которого судьба была не царницей, а рабыней.

Опираясь на резную палку с набалдашником, он вышел на помост, властно простер руку.

– Воины! – заговорил он хриплым страшным голосом. – Настал час, для которого рождаются дети богов и героев. Мы идем в поход, чтобы добыть себе чести, а народу славы! Враг могуч и страшен, тем почетнее нас ждет победа. Если же падем... Но для чего же появляются на свет дети нашего солнечного бога, как не для битв и славной гибели? Позор прожить, не познав, на что способны твои дух и тело, позор умереть в постели! Народы, что чтили благополучие и безопасность, уже с лица земли сгнули, и жаба за ними не кумкнула! Не будем и мы жалиться. Нас называют великанами сумрака, так будем же достойны! Но стада наши жиреют, нивы колосятся, мужчины отвыкают носить оружие, становятся слабыми...

Среди воинов возник ропот. Волхв поднял руку, шум утих.

– Да, слабыми! Человек должен жить на меже, на краю гибели, чтобы жилы рвались от натуги, чтобы кровь кипела! Из всех дорог жизни мы обязаны выбирать самую трудную, лишь тогда мы – люди!

Наталья задержала дыхание. Вот они, настоящие!.. Это не мужчины ее времени, последней четверти двадцатого века. Бабники, пьяницы, трусливые, нервные, закомплексованные, не умеющие справляться с трудностями, растерянные, все чаще пасующие в житейских сложностях, прячущиеся за женские спины! А эти вот жаждут жить в полную мощь, не находят путей,

мучаются, ищут выхода в войнах... С нежностью вспоминают потом тяготы боев, ведь тогда жили в полную силу!

– Великий поход! – гремел голос волхва. – Идут все мужчины, все! Останутся только единственные кормильцы и безнаследные...

Среди неженатой молодежи возник ропот. Крепкие молодые парни угрюмо отводили глаза от счастливых, что успели нарожать наследников: их род в любом случае не оборвется.

– Пусть дух Перуна войдет в каждого, – бешено кричал ведун. В его руке невесть откуда появился окровавленный меч, и волхв страшно потрясал им над головой, и кровь капала на серебряные волосы. – Тело тленно, слава вечна! Кто не смотрел смерти в глаза, кто не дрался с врагом, на кого не кидался барс, кто не висел над пропастью, не падал со стен чужих крепостей, кто не страдал – тот еще не человек!

Сердце Натальи колотилось. Воины замерли, повернув к волхву лица, их глаза горели красным огнем.

– Кто из вас впервые идет в бой, – кричал ведун страшно, жилы на его шее надулись, лицо покраснело, – тот еще глина, из которой может получиться человек, а может и не получиться! Капля воды, перенеся муки плена в перловице, становится перлом, а человек превращается в человека только после тяжелых испытаний! Вперед! Пусть непобедимое солнце будет на ваших знаменах!

Ниже в долине уже резали быков. Над скопищем людей и скота возвышался железный котел размером с дом, настолько был огромен. Он держался на трех гранитных глыбах, размером со скалы, бревна бы не выдержали, валуны и так вминались в твердую сухую землю, та проседала под чудовищной тяжестью.

Щелкали бичи, скрипели тяжело нагруженные телеги. Воины торопливо сбрасывали под котел связки поленьев, сразу хлестали быков, уступая место другим, а связки сухих березовых дров все летели под огромное железное днище. В сторонке сваливали в запас целые сухие бревна, вязанки дров.

Неделю уходило войско. Когда последняя колонна скрылась из виду, Наталья измученно еще долго смотрела, как пыльное облако передвигается к кроваво-красному горизонту, рассеивается...

Когда пошла обратно к капищу, у городища сновали люди. Молодых мужчин осталось, к ее удивлению, много. Что ж, по древним обычаям славян, нельзя брать кормильцев и тех, кто еще не дал наследников. Древнее поверье, что в вирий уходят павшие в бою, но в дружину Перуна попадает лишь тот, у кого и внук сражается доблестно. «Через сына человек переходит в мир вышний, через внука обретает бессмертие, через праправнука входит в обитель света» – так записано в Бгартрихари...

У ворот капища в придорожной пыли сидел изможденный человек. Завидев ее, торопливо поднялся, одернул рубаху. Молодой смерд, очень худой, с длинными жилистыми руками, нескладный, он сутулился, жалко моргал. Пыль и грязь странствий лежали на его одежде, нещадное солнце опалило лицо, губы полопались от жары, на нижней темнела корочка запекшейся крови.

Он шагнул к ней, рот искривился, дернулся, Наталья замедлила шаг, ноги стали тяжелыми.

Смерд с трудом раздвинул запекшиеся одеревеневшие губы, слезы блеснули в глазах:

– Видно, такие уж мы люди... Нигде нет нам душевного комфорта. Что мне иные века, если тебя там нет?.. Вот я пришел, Наташа.

Едкие слезы жгли ей глаза, размывали мир, наконец прорвали плотину, облегченно хлынули по щекам. Другая плоть, другие кости, но в этом вот теле, этой оболочке, сейчас Олег, ее Олег! Он там, внутри, не соприкасаясь с этой плотью, а только пользуется ею – это теперь

ясно! – как рабочей лошадей, которую нужно кормить и беречь, и эта плоть его не касается, он живет совсем другим, чем этот сосуд, пещера, механизм для его обитания.

И странно, печальное понимание, что счастье недостижимо, наконец-то наполнило их счастьем.

Уцелеть бы...

Сергей Сергеевич забеспокоился, когда они проскочили на красный свет, лихо и на большой скорости пронесли мимо щита с надписью: «Скорость контролируется радаром», на что Вадим только усмехнулся:

– Пугают! Где возьмут столько радаров, чтобы расставить по всем улицам?

Он все наращивал и наращивал скорость, и Сергей Сергеевич инстинктивно уперся ногами. Привязной ремень попросить постеснялся: Вадим поднимет на смех, но уже отвечал невпопад, тоскливо ждал конца дороги. Сердце стучало чаще, в висках пульсировала кровь, шумела в артериях, он в каждом стуке сердца слышал паническое: «Жить! Жить! ЖИТЬ! Любой ценой – жить! Во что бы то ни стало – жить!»

Когда Вадим в который раз выскочил на встречную полосу, нарушая сразу ряд правил, Сергей Сергеевич уже открыл рот, чтобы напомнить про поворот – крутой подъем закрыл видимость, но в тот же миг из-за близкого пригорка выросла крыша «МАЗа», и вот он уже весь бешено мчится навстречу!

Вадим судорожно рванул руль, но справа сплошной лентой шли машины, и Сергей Сергеевич изо всех сил уперся ногами, откинулся на спинку, в ужасе понимая, что от лобового удара спасения уже нет, но бороться надо, нужно жить, уцелеть во что бы то ни стало...

Удар был страшен, железо смялось в гармошку. Вадима сплющило, он взорвался, как пластмассовый мешок с горячей кровью, а его бросило вперед, сокрушая панель управления и лобовое стекло, он пробил все, как выпущенный из катапульты валун, его пронесло рядом с «МАЗом», ударило об асфальт, он перекувырнулся и остался лежать плашмя.

Совсем рядом взвизгнули тормоза, вильнули колеса и обдало бензином. Сзади трещало и несло дымом, слышались крики. Он шевельнулся, с трудом сел. Одежда висела лохмотьями, и он никак не мог понять, что остался жив и даже вроде бы цел.

В десятке шагов позади, зацепившись за бампер «МАЗа», горело то, что осталось от «Жигулей». По обеим сторонам шоссе останавливались машины, выскакивали люди.

Сильные руки подхватили Сергея Сергеевича, он очутился на ногах. Мужской голос крикнул в самое ухо:

– Цел?

– Вроде бы, – пробормотал Сергей Сергеевич.

– Ну, парень, – сказал мужчина. От избытка чувств он крепко ругнулся, добавил с истерическим смешком: – Под счастливой звездой... Как вылетел, а? Никогда бы не поверил. Ты не каскадер случаем?

– Нет, не каскадер, – ответил Сергей Сергеевич тупо.

Он наконец понял, что не поврежден, ноги держат, только тело мелко-мелко трясется.

Дверца «МАЗа» распахнулась, оттуда с трудом выбиралась светловолосая девушка-шофер. Стройная, гибкая, в тенниске и ярко-синих джинсах, она поразила его мертвенно-бледным лицом и полоской крови на лбу. Из легковых автомобилей выскакивали люди, кто-то из мужчин услужливо подхватил ее под руки. Она в великом изумлении смотрела на Сергея Сергеевича, ее пальцы все время щупали лоб, размазывая кровь.

Вокруг Сергея Сергеевича жужжали люди, хватали его за плечи, куда-то тащили, дергали. Он почти с облегчением услышал шум снижающегося вертолета с надписью «ГАИ», голоса начали стихать.

Люди в форме смотрели на него недоверчиво. Очевидцы наперебой рассказывали о случившемся, милиционеры старательно записывали, один сказал Сергею Сергеевичу раздраженно:

– И все-таки не пойму... Одежда в клочья, но на вас нет даже царапин!

- Сам не знаю, как случилось, – прошептал Сергей Сергеевич.
- Гм... ладно. Это все потом. Сейчас вас отвезут. Домашний адрес помните?
- Я чувствую себя нормально, – заверил Сергей Сергеевич.

Примчалась «Скорая». Район аварии был уже оцеплен. «МАЗ» там и остался, два инспектора старательно замеряли рулеткой тормозной путь, а в салоне «Скорой» очутилась вместе с Сергеем Сергеевичем и врачами также и девушка-шофер, которой накрепко перевязали голову бинтами. По-прежнему смертельно бледная, на Сергея Сергеевича она смотрела то с изумлением, то с ненавистью.

– Больно? – спросил он участливо.

– Да, – отрезала она. – Как вас угораздило уцелеть?

– Вы недовольны? – спросил Сергей Сергеевич.

– Да, – огрызнулась она тем же тоном. – Носитесь как угорелые... Пьяные небось. А мне отвечай.

– Мы сами нарушили, – сказал Сергей Сергеевич, удивляясь, что после пережитого говорит достаточно спокойно. – Вас никто не обвинит.

У нее от злости закипели слезы:

– Много вы знаете! Я женщина. Нам не дают тяжелые грузовики, а мне дали... Теперь пересадят на электрокар. И все из-за вас!

Сергей Сергеевич сказал:

– Я пойду в ваше управление. Скажу, что виноваты мы.

– Так вас и послушают!

Но смотрела она уже не так безнадежно и враждебно. Скорее устало. А он лихорадочно старался понять, что же случилось. Не потому ли, что он так панически боялся крови, боялся боли? Ведь холодел же, когда еще в школьные годы приходилось сдавать анализ крови и к нему подходили со шприцем? Кровь отливала вовнутрь, пальцы белели, как отмороженные, и удивленная медсестра тщетно заглядывала в пробитую дырку на пальце: кровь не шла.

Его и стыдили, и высмеивали, но он все так же боялся боли. Инстинкт самосохранения оказался чересчур силен... Позже он узнал, что мужчины вообще больше боятся боли, чем женщины, но это его утешило мало – он и среди мужчин был чемпионом по трусости.

Инстинкт выживания, инстинкт самосохранения... Это он сумел напяречь все мыслимые и немыслимые силы?

Сергей Сергеевич взглянул в окно, сказал:

– Мне налево. На Большую Почтовую.

Врач ответил веско:

– Вы оба нуждаетесь в обследовании. Не волнуйтесь, поместим в хорошую палату...

– Вадим... – начал говорить Сергей Сергеевич. Спазм сжал ему горло, он прокашлялся и договорил: – Он... что с ним?.. Ну тот, второй, что сидел за рулем?

– Ему повезло меньше, – ответил врач хмуро. – Точнее, ему совсем не повезло.

– Понятно, – прошептал Сергей Сергеевич. Он собрался с силами, сказал, стараясь, чтобы голос звучал решительно: – Вы сейчас свернете вон от того угла направо.

Врач ответил сухо:

– Мы едем в больницу.

– Это ваше дело, – сказал Сергей Сергеевич. – Ну а я... Хотите, чтобы я вышиб дверь и выпрыгнул на ходу? Я это сделаю.

Врач коротко взглянул на него, явно заколебался. Сергей Сергеевич поднялся. Второй врач сказал быстро:

– Коля, поворот направо.

Шофер резко крутнул руль. Машина послушно свернула, минут пять неслись в молчании, ощущая тяжелую атмосферу, наконец Сергей Сергеевич велел:

– Стоп!

Он выпрыгнул, не успел отойти, как на него свалилась девушка.

– Я тоже, – буркнула она. Оглянувшись, крикнула сердито: – А вы езжайте. Езжайте!

«Скорая» нерешительно тронулась с места. Девушка шагнула было, но Сергей Сергеевич, сам удивляясь своей смелости, ухватил ее за руку и сказал потверже:

– Вот мой подъезд. Мы с вами выпьем кофе, а вы перевяжете голову сами. Перед зеркалом. Вам навернули целую чалму, вид отвратительный. На улице будут смеяться.

Довод оказался неотразимым. Она, уже вырвавшая независимо руку, тут же послушно пошла за ним.

Он чистил на кухне картошку. Регина, так ее звали, плескалась в ванной, трубы гудели. Нож ходил равномерно, кожура тонкой лентой свисала до самой раковины, ложилась кольцами... Он всегда находил в этом элемент игры: почистить так, чтобы с каждой картофелины была одна-единственная кожура...

Перед глазами всплыла картина удара о «МАЗ», и он снова ощутил озноб, в голове пронесся звон, руки похолодели. На миг кольнуло болью. Взглянув вниз, увидел – острое, как бритва, лезвие ножа в дрогнувшей руке скользнуло по очищенному и до самой кости располагало мякоть большого пальца.

Инстинктивно выдернул нож, успел увидеть глубокий разрез, белеющую кость и даже слоистый разрез плоти, увидел, как это ущелье быстро-быстро заполняется кровью...

Он ощутил дурноту, в животе похолодело. Боясь потерять сознание и борясь с тошнотой, он в то же время не мог оторвать взгляд от пальца, где на месте пореза наверх уже выдавило белый шрамик, который во мгновение ока рассосался. Кожа стала такой же неповрежденной, с тоненькими «линиями жизни», но без малейших следов пореза!

Он ошалело смотрел на пальцы. Догадка была такой невероятной, что больше испугался, чем обрадовался. Мгновенная регенерация! Абсолютная приспособляемость к условиям!

В ванной хлопнула дверь, по коридору прошлепали маленькие ноги в его огромных тапочках.

– Регина, – позвал он дрожащим голосом, – ты где?

Она появилась чистенькая, без бинтов, лишь с небольшим пластырем на лбу, да и тот постаралась замаскировать локонами, опустив их на лоб.

– Ого, – сказала она одобрительно. – Сам картошку чистишь! Вот это мужик.

– Регина, я должен был погибнуть вместе с Вадимом.

Она сразу посерьезнела.

– Ладно, не стоит об этом. Ты весь побелел. Не вспоминай.

Он выудил из буфета коньяк. Регина взглянула подозрительно, но мужик вроде не бабник, что пытается подпоить, чтобы добыча была податливее.

Она выпила, не поморщилась, только надолго задержала дыхание. Ели торопливо, молча. Коньяк немного оглушил, мышцы стали расслабляться, но в какой-то момент он взглянул на палец, снова ощутил, как сжало холодом сердце, сказал хрипло:

– Давай еще?

– Можно, – кивнула она.

Мужик явно из непьющих, тех за версту видно. А этот и разлить не умеет, бутылку открывал, словно задачу по физике решал. И не нахальный. Редкость в наше время, это не шофера – тем не препятствуй сразу...

Его передернуло от второй рюмки, а она свою осушила, опять не дрогнув, чтобы не уронить честь женщин перед этим якобы сильным полом.

Потом расправились с плавлеными сырками. Она смотрела выжидающе, однако он не стал включать телевизор, хотя мог бы похвастать – марка новейшая, вон еще видеоманитофон

– под него девок легко размораживать, однако этот чудак снова взял нож, пристально посмотрел на нее. Ей стало страшно.

– Регина, – сказал он хриплым голосом, – я сам себе не верю... Посмотри!

Он зажмурился, вытянул палец и приложил к нему лезвие ножа. Она видела, как он жутко побледнел, крикнула испуганно:

– Перестань! И не пей больше.

Лезвие чиркнуло по пальцу. Порез был неглубоким, но Сергея Сергеевича чуть не стошнило, хотя он все время отворачивал голову. Регина, чувствуя жалость пополам с брезгливостью от такой немужской слабости, вскочила, чтобы поискать бинт, ее глаза не отрывались от неглубокой ранки, и она отчетливо видела, что кровь выбрызнула из стенок появившегося микроущелья, но заполнить не успела: через доли секунды края ранки сошлись, мелькнул белый шрамик, который тут же исчез.

Она недоверчиво взяла его за кисть, потрогала палец, потерла кожу в месте пореза. Розовая и нежная, как у младенца.

– Так получилось и там? – спросила она тихо.

Он кивнул. Руки его тряслись. Она взяла стакан, хотела налить воды – так сделал следователь в одном кино, где преступница закатила истерику, но бутылка с остатками коньяка была ближе.

Он выпил залпом, поперхнулся. Она постучала по спине, он беспомощно шарил по воздуху, и она сунула в его ищущие пальцы огурец. Он торопливо откусил, и снова она подумала, что шоферюга запустил бы этим огурцом в нее за такую шуточку.

– Значит, – сказала она медленно, – если ты сейчас, скажем, вывалишься из окна... или на тебя обрушится потолок... с тобой ничего не случится?

Он опасливо выглянул в окно, словно уже забыл, что живет на четырнадцатом этаже, судорожно проглотил комок в горле:

– Думаю, что да. Но я не хотел бы пробовать.

– Это понятно, – воскликнула она, стараясь его успокоить. В голове же пронеслись картины: как бы подержала руку над газовой горелкой, потом через окно на асфальт... и многое другое перепробовала бы! Эх, что за мужики пошли.

– Ложись, – сказала она. – Не трясись, я лягу в другой комнате. Там роскошный диван, я уже все увидела. Телефон у тебя есть? Сообщим в милицию, где мы – вдруг понадобится. Да и в общагу вахтерше звякну, а то девчонки с ума сойдут. О тебе есть кому беспокоиться?

– Ну, ты ж видишь...

– Вижу, – ответила она неопределенно, и он не понял, что больше в ее голосе: презрения или женской жалости.

Он сам обрадованно постелил ей, боясь одиночества, после чего Регина его выдворила, но дверь оставила распахнутой настежь, чтобы переговариваться, и Сергей Сергеевич чуть ли не до утра изливал душу, изумленный донельзя, что в девушке-шофере с такими грубоватыми манерами столько понимания, участия, готовности разделить трудности и, чего греха таить, даже готовности принять на свои плечи, хрупкие плечи, большую часть этих трудностей.

Утром она сама приготовила завтрак, безошибочно разобравшись в его современной кухне, где много приборов и автоматов, но мало еды, да и та сплошь из консервов.

– Ты сейчас куда? – спросила она во время завтрака.

Он торопливо ел, поглядывал на часы.

– Сегодня заседание ученого совета, – ответил он. – Будет решаться наша судьба, судьба нашей кафедры... Умер профессор Ильченко, замечательный ученый, сейчас обязанности заведующего кафедрой исполняет некий Коробов... Редкая сволочь. Кафедра воеет от его новшеств. Двое уже уволились, хотя их уговаривали подождать: авось эта зараза не пройдет по конкурсу!

– И ты будешь участвовать?

– Мы уговорились выступить против. Я, Кожин, Ястребов... Особенно яро выступает Курбат, заместитель. Мне нельзя опаздывать, каждый голос на счету. А чем ты займешься?

– У меня сегодня отгул... Планировала в кино, да, видишь, что получилось! Там нельзя посидеть в коридоре, послушать? Я про ученых только книжки читала да в кино вас видела. Мне так интересно, так интересно...

Он взглянул в ее чистые искренние глаза. Она смотрела на него как на существо из другого мира, и вовсе не из-за способности к мгновенной регенерации, а потому что он – кандидат наук, работает в НИИ, это как волшебная сказка для простой девчонки, водителя тяжелых грузовиков...

– Одевайся быстрее, – велел он.

Когда они примчались в институт, обсуждение кандидатуры Коробова уже шло вовсю. В институте даже на соседних кафедрах знали, что Коробов ввел жесткую и мелочную дисциплину, которой не было при Ильченко. Ильченко требовал работы, сам был генератором идей, вокруг него бурлила работа, все жили в творческой атмосфере, а Коробов брал усидчивостью – правда, подчиненные называли этот метод другим словом...

Однако, если взглянуть со стороны, Коробов был как нельзя более подходящей кандидатурой. Профессор, автор монографий, регулярно выступает в печати... И не было дела до того, что работал он по шестнадцать часов в сутки, перелопачивал горы материала, трудился унылым методом перебора вариантов!.. Ладно, он фанатик, но на кафедре нормальные люди, нормальные научные сотрудники, которые и работу любят, и в кино бегают, куда Коробов сто лет не ходил, и за город ездят грибы собирать... Ильченко тоже грибы собирал, на велосипеде ездил, бегал трусцой, на итальянскую оперу ходил, ни одного чемпионата по футболу не пропускал! А научных работ выдал не меньше коробовских, к тому же его работы были весомее коробовских плюс масса идей, которые он щедро разбрасывал младшим сотрудникам, аспирантам, даже лаборантам...

Сергей Сергеевич ощутил вдруг, что все, однако, предрешено. Коробову заведующим кафедрой быть. Мудрили долго, но наконец-то утвердить решились. А церемония конкурса – всего лишь дань традиции...

Выступал Тарасов, и Сергей Сергеевич нервно ерзал. Следующим выступать ему, и в зале сразу начнется оживление. Многие знают, что сотрудники кафедры решили дать бой: Коробова иначе как «унтер Пришибеев» не называют, но то война пассивная, сейчас же – бой!

Когда Тарасов раскланялся и сошел с трибуны, Сергей Сергеевич пружинистым шагом вышел на трибуну. Его ладони легли на полированное дерево, ощутили его гладкое тепло, и он мгновенно успокоился.

– Товарищи, – начал он звучным голосом, – у нас несколько отличное положение от того, в котором находится профессор Тарасов. Мы, сотрудники кафедры, уже работаем под началом профессора Коробова... Да, мы работаем и можем точнее судить о его качествах как администратора и как ученого!

В зале стало тише. Он видел заинтересованные лица. Даже те, кто спал или на задних рядах резался в морской бой, подняли головы.

– Мы посоветовались, – продолжал Сергей Сергеевич, – и пришли к единодушному выводу... Да, к единодушному. Профессор Коробов – блестящий организатор...

Настороженное, даже враждебное лицо Коробова дернулось. Он даже наклонился вперед, словно впервые увидел оратора. Сергей Сергеевич выдержал паузу, что возникла отчасти от смятения, ибо в голове промелькнуло: «Что это я говорю?.. Не то ж хотел... Ладно, пусть организатор, но сейчас врежу по его дутым заслугам...»

– Блестящий организатор, – повторил он. – Но этого было бы мало для кафедры, если бы профессор Коробов не оказался еще и крупным ученым. Да, его работы вошли в золотой фонд нашей науки, по праву вошли! Профессор Коробов является генератором идей...

«Что я несу? – промелькнуло в голове ошеломленно. – Тупица, а не генератор, ни одной своей мысли!»

– Он пользуется заслуженным авторитетом, – продолжал он. В зале головы снова опустились, зато возмущенно вскинулись Кожин, Ястребов, Курбат – основная ударная сила кафедры, которым предстояло выступить вслед за ним, усиливая нажим, развивая успех. Однако Сергей Сергеевич их не видел, он смотрел на Коробова, что уже откинулся на спинку кресла, руки благодушно сложил на животе. Лицо его расслабилось, он смотрел на Сергея Сергеевича спокойным обещающим взглядом.

– Я счастлив, – заключил Сергей Сергеевич, – что нашим руководителем кафедры будет такой крупный ученый, как уважаемый Борис Борисович Коробов! Я уверен, что под его руководством кафедра добьется таких успехов, каких не было ни при каком руководителе! Спасибо за внимание. Я кончил.

Он сошел с трибуны. Ему растерянно хлопали, в двух местах свистнули. Его место было возле двери, и когда уже опускался на сиденье, заметил в щель промелькнувшие синие джинсы. Согнувшись, он на цыпочках скользнул в дверь.

Регина стояла в коридоре. Глаза ее были как плоски, она не отводила от него взгляда.

– Сергей...

– Да, Регинушка.

– Сергей, что стряслось? – спросила она взволнованным шепотом. – Вы же собирались всей кафедрой выступить против! Ты же сам рассказывал. И ты тоже готовил речь против этого Коробова. Я только посмотрела на его харю, он мне сразу не понравился! У нас завхоз такой же точно, сволочь!.. Как две капли воды, одинаковые!

– Готовил, – согласился он тяжело. – Сам не знаю, Регина... Ума не приложу, как все случилось. Как будто за язык кто потянул! Говорю, а сам себя одергиваю, не так, не то говорю... А язык так и чешет похвалу этому унтеру с профессорскими лычками.

Она взяла его под руку, повела к выходу. Он молча повиновался, с благодарностью ощущая тепло ее пальцев.

– Это твой инстинкт, – сказала она наконец.

– Ты думаешь?

– А что еще? Там ты спасал шкуру, тут тоже... По-разному, правда, но суть не меняется.

– Какой цепкий организм, – сказал он, пытаясь улыбнуться.

Она остановилась. Ее глаза стали холодными, острыми, словно два клинка.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Ну... организм борется за выживание. Любой ценой.

– Вот именно.

– Здесь, оказывается, есть и минусы...

Она не отводила взгляда. Клинки стали острее, вонзались ему в глаза, больно кололи в мозг.

– Минусы? – спросила она тихо. – Любой ценой!.. Это значит, что ты пойдешь на любую подлянку, только бы выжить.

– Регина...

– На любую, – повторила она с нажимом.

Он боялся, что она пройдет мимо его «жигуленка», но она сама открыла дверцу и, как и утром, села за руль. До его дома минут пятнадцать езды, и за все время она не сказала ни слова.

Он вдруг ощутил, что между ними возникает невидимая стена. Когда подъехали, он испугался, что она сейчас уйдет, а он даже не знает ее адреса, однако она поднялась с ним в его квартиру, хотя уже с видимой неохотой.

– Коробов сразу же начнет наводить свои порядки, – сказала она, остановившись в прихожей. – Выгонит Курбата, что выступит против... А он выступил, я его только мельком увидела, как сразу про него все поняла! Я таких понимаю сразу.

– Курбат надеялся сам на место Ильченко, – ответил Сергей Сергеевич, защищаясь, – вот и нападает особенно... Пойдем в комнату, что мы тут стали!

Регина с места не сдвинулась, продолжала беспощадно:

– А на место Курбата возьмет... тебя. Ты первым перебежал на его сторону. Первым лизнул, вместо того чтобы укусить, как договорились.

– Что ты говоришь! – возмутился он, но внезапно ощутил, что сама мысль о месте заместителя заведующего кафедрой приятна. И оклад намного выше, и положение, и вообще... А ведь и в самом деле Коробов выживет Курбата как пить дать. Да Курбат и сам уйдет, не смирится с обидой. Его место опустеет...

Она пристально смотрела ему в глаза. Ее взгляд проник глубоко, и он ощутил, что она знает больше, чем он. То, к чему он шел многими годами, просиживал штаны в институте и в библиотеках, защитил кандидатскую и пишет докторскую, впереди же только-только забрезжил призрак познания... а она уже владеет этим знанием: инстинктивно ли, интуитивно или априорно – дело десятое, но она им владеет, она знает, она *понимает* ...

Она пошарила позади себя, ее пальцы легли на ручку двери.

– Я понимаю тебя, – сказала она мертвым голосом. – Что я за женщина, если бы не понимала?.. Будь здоров, Сергей. Мы, женщины, ищем сильных, но сильных не любой ценой. Прощай.

– Регина!

– Когда сможешь перебороть свое... свой инстинкт выживания любой ценой – позови. Я приду. Конечно, если еще буду свободна.

– Регина, не уходи!

– Прощай.

Она толкнула дверь, на миг оглянулась: он увидел бледное лицо с расширенными страдальческими глазами, и дверь захлопнулась. Негромко простучали, быстро затихая, ее каблучки.

Он, враз отупев, без единой мысли, совершенно опустошенный постоял посреди комнаты, потом деревянными шагами подошел к окну. Через несколько минут далеко внизу едва слышно хлопнула дверь, из подъезда как выстрелило женскую фигурку в голубых джинсах.

Сквозь двойное стекло она растушевалась, приобрела прозрачность, и, когда выбежала и понеслась вниз, ему показалось, что она скользит как облачко.

Острая боль внезапно взрезала сердце. Он задохнулся, схватил ртом воздух. Уходит! УХОДИТ!

В отчаянии, не замечая страх и будущую боль, он с силой ударил ладонью в стекло. Остро лязгнуло, как алмазы сверкнули осколки. Он просадил оба стекла насквозь и высунулся из окна в обрамлении длинных и узких, как изогнутые ножи, кусков стекла.

– Регина! – закричал он.

Она не обернулась, только еще больше ускорила шаг.

– Регина! – закричал он в смертной тоске. – Регина!

Она уже исчезла на той стороне, когда он закричал изо всех сил:

– Регина!.. Это случилось!..

Она оглянулась, он едва видел ее тоненький силуэт на фоне темных деревьев. Остановилась, помедлила, потом изо всех сил помчалась обратно.

А он все держал руку на весу, вытянув далеко на улицу. Густая темно-вишневая кровь бежала по пальцам, капли срывались часто-часто, словно спешили перегнать друг друга, а он вытягивал руку как свое знамя, как победу над собой, как доказательство, что он – человек, а не тварь дрожащая, она уже видела его потрясенное и счастливое лицо, кровь на лбу, которую он счастливо не замечал, а из рассеченной ладони кровь все струилась и струилась...

...И совершенно не хотела останавливаться.

АХИЛЛ

Агамемнон в изумлении смотрел на спрыгнувшего с борта корабля вождя тавроскифов. Архонт россов был необычен в своей яростной мужской красе. С бритой головы свисал длинный пышный клоч белокурых волос, в левом ухе блестела крупная золотая серьга. Грудь у него была широка и выпукла, словно он надел под накидку свои божественные доспехи.

В суровой душе Агамемнона проснулся страх, когда вождь россов пошел к нему. Законанный в броню гигант нес шлем в руке, и ветер трепал его светлые волосы, словно бы вымытые в растопленном золоте. Ростом он был выше самого рослого из ахейцев, руки огромные и толстые, а ладони широки, словно корабельные весла.

Агамемнон задрал голову, чтобы смотреть в лицо князя. «Владыка Зевс, – мелькнула мысль, – неужели на Земле еще есть такие люди? Или в стране гипербореев полубоги рождаются по-прежнему?»

Он дрогнул в ужасе, наткнувшись на взгляд архонта союзного войска. Глаза у того были необычные, таких не встречал в Элладе. Огромные, ярко-синие, словно бы нещадное небо просвечивало сквозь череп, да и волосы цвета солнца горели непривычно в мире черноволосых ахейцев, которые за сотни лет жизни в Аттике потемнели быстро.

«Полубог, – понял Агамемнон. – Гиперборейский полубог... Они там своих героев называют богатырями, ибо их народ происходит от солнечного бога, «Даждьбожови внуци»... В Элладе же почти не осталось героев, ибо старшие: Сизиф, Тантал – пали в битвах с самими богами, средние – Геракл, Персей, Беллерофонт, измельчав, пали, очистив землю от чудовищ, а самые младшие и самые слабые – истребляют друг друга в подобных войнах, они уже и не помыслят о схватке с богами или чудовищами...»

– Приветствую тебя, великий вождь, – сказал гигант дружески, опуская длинные титулы Агамемнона. – Приветствую и все ахейское войско!

– Слава и тебе, Ахилл, – сказал Агамемнон, нахмурясь, – походный князь мирмидонян!

Ахилл потемнел. Тцар Микен, верховный вождь похода на Трои, не преминул уколоть, указав, что он, Ахилл, всего лишь на время похода князь, а там, на Днепре, остался истинный князь, воцарившийся после того, как его, Ахилла, изгнали за крутой и неуступчивый нрав.

– Слава тебе и твоим воинам, князь, – сказал торопливо Одиссей.

Они по-братски обнялись. С кораблей по качающимся мостикам сбегали мирмидоняне, выстраивались. Ахейцы смотрели на них с тревогой и надеждой. Мирмидоняне, или россы, как они себя называли, были рослые, могучие воины, все как один в черных доспехах, закрывающих тело. Этим доспехам приписывались магические свойства, их не могли пробить своим оружием даже самые сильные и свирепые из ахейцев или троянцев.

Тысячу отборнейших воинов привел тавроскифский архонт! Поход против зловерной Трои, что как бельмо засела на берегу Дарданелльского пролива, нависая над «хлебным путем», был просто невозможен без помощи тавроскифов. Правда, Троя, угрожая обречь Элладу на голод, тем самым вредила и мирмидонянам, ибо скифы-пахари богатели на продаже хлеба ахейцам, в стране которых он почти никогда не родил. В прошлом году Троя, угрожая перекрыть хлебный путь, в два раза увеличила пошлины на проходящие через пролив корабли, что больно ударило по Элладе и вызвало раздражение у страшных в своей мощи тавроскифских архонтов.

Потому-то владыка Микен тцар Агамемнон, который надменно называл себя тцаром тцарей и объявил великий поход всех союзных государств против азиатской Трои...

Лагерь ахейцев спешно укреплялся. Всюду стучали топоры, из ближайшей рощи большие группы воинов, отягощенные оружием, тащили огромные стволы деревьев, между ними сновали конные отряды, настороженно посматривая в сторону Трои.

Лагерь мирмидонян был рядом с ахейским, но россы с данайцами не смешивались, как, впрочем, и малочисленные итакийцы, которых привел царь Одиссей.

Ахейцы с любопытством и надеждой посматривали на лагерь мирмидонян, то есть мирмиков с Дона, муравьев с Дона, ибо народ россов был многочисленный, как муравьи, а селился обычно возле рек – их предки все реки называли просто «дон»; даже их бог Посейдон, бог рек, ставший впоследствии у ахейцев богом морей, старшим братом Зевса, как память о прародине нес в себе этот корень... Да и сами россы взяли свое имя от воды – рось, роса...

На возвышении, в центре лагеря россов, стояли Ахилл и Аристей. Оба внимательно осматривали окрестности, поглядывая в сторону стен Иллиона.

– Трояне, – сказал Аристей задумчиво. – Сперва они звались пеласгами, потом фракийцами, затем тевкрами, дальше – дарданами, теперь вот – трояне... У них и сейчас еще наши обряды, могилы насыпают курганами, серьги носят в левом ухе, оселедцы точно такие же...

Ахилл обернулся, бросил в усмешке:

– Вчера на переговоры приходили сыны Приама: Троил и Дий. А у меня как раз на корабле кормчий Троил, а его помощник – Дий!.. А вот язык наш они испоганили, еле-еле понимал. Еще немного, и толмач бы понадобился... Ты смотрел их войско?

– Смотрел, – хмыкнул Аристей. – Воины хорошие, наша кровь еще чувствуется, но мы их и без ахейцев сдюжили бы.

– Что так?

– Оружие, – ответил Аристей коротко. Объяснил с презрением: – Они все тут, кроме нас, ахейцы и троянцы – меднолатные! Даже их вождь Гектор в медных доспехах, а копья у него деревянные, с медными наконечниками, к тому ж из плохой меди. У всех медь! О железе не ведают, на булат вовсе смотрят как на дело рук богов... Вон ты весь в булате, так неужто они пробьют медяшками? Неуязвимый, как есть неуязвимый! Видно, у них тут в песках меди много, а железа – зась, это только в наших лесных болотах вдоволь!

Снизу от моря неся всадник. В черных доспехах, на горячем вороном коне.

– Меня другое тревожит, – сказал Аристей хмуро. – Нас тут стравили, а на южном фланге Хеттского государства оголили спину! Опаленный Стан остался без защиты...

– Разве кто нападает? – спросил Ахилл беспечно.

– Сейчас никто, но долго ли до беды, когда войска ушли? В пустыне собрались дикие орды кочевников, ждут. Хлынут в тот же час, когда поистребим друг друга, когда Троя падет! Сумеют ли наши братья явусы дать отпор? Вряд ли... И мы потеряем этот важнейший перекресток международных путей. Падет еще один народ нашего корня, останемся супротив дикости только мы, славяне.

– Выстоим, – ответил Ахилл беспечно.

Всадник прямо на коне промчался на холм, лихо спрыгнул. Это был рослый синеглазый юноша, высоколобый, с тонкими чертами лица. Аристей взглянул ему в глаза, отвел взгляд, тут же взглянул снова. Глаза Петрока были особенные: трагически расширенные, пытливо всматривающиеся в каждого, вопрошающие, в них застыл немой вопрос, заданный с болью и тревогой... За этими глазами весь Петрок, как другой за своими могучими руками, третий – за крепкими доспехами, четвертый – за родительской спиной. Петрок весь в глазах, и Аристей невольно отводил взгляд, ибо на тот вопрос, который задавал Петрок, ответить он не мог, не знал как.

– Нравится? – спросил Ахилл.

– Спасибо тебе, княже, – выдохнул Петрок благодарно. – Спасибо, что берешь в походы! Разные народы видел, с воинами говорил, с лекарями, волхвами, мудрецами ихними... Уверился теперь, прости за дерзость, что правильность нужно искать не в других странах, ибо одно и то же везде, а в самом человеке! Не для того мы ведем свой род от солнечного бога, чтобы жить подобно худобе или по-зверьячи рвать один другому глотки.

– А как же надо? – спросил Ахилл хмуро.

– Уже смутно постигаю... В моменты прозрения слышу голоса богов, как жить так, чтобы вернуть людям солнечную природу! Но это непривычно, не все примут. И капища нужно строить не на Лысых горах, что поближе к небу, а вот тут, в груди... Бог должен быть здесь! Новый бог, единый...

Ахилл предостерегающе кашлянул. Петрок поперхнулся, умолк. К ним степенно подходил, ударяя в такт шагам тяжелым резным посохом, старший ведун похода.

– Князь, тебя кличут! Вечером совет у тцара тцарей Агамемнона.

Ахилл оглянулся на заходившее солнце. На дальнем холме голубел высокий шатер. Вниз спешили гонцы, другие вестники со всех ног карабкались к шатру тцара тцарей.

– Оставайся за меня, – сказал он Аристею. – Я через лагерь ахейцев, посмотрю заодно, что у нас за союзники.

Петрок, размышлял он напряженно, направляясь к ахейскому лагерю. Петрок... Единственный, кто умел заглядывать дальше, постигать мир, видеть по-новому, с неожиданной стороны. Если нащупал что-то, то это грандиозный переворот. Тогда имя Ахилла, осуществившего переворот, войдет в легенды, как имя князя Таргитая, который решил культ богини воды Даны сменить новым культом Апии, матери сырой земли... Тогда надо было народ кочевников обратить в народ землепашцев, для того и легенду создали об упавшем с неба золотом плуге, но все же великое потрясение пришло, староверы не смирились, землю пахать не стали, ушли из родных земель со стадами, заселили многие ланы-страны, добрались даже до Оловянных островов, поставили там каменные капища по старому образцу.

Тяжелая была реформа, кровавая, но народ стал лучше, богаче, могучее, а звериный нрав кочевника сменился спокойным мужеством земледельца... Земля кормила в сотни раз больше людей, чем пастбища для скота, это поняли потом, не сразу. Не подобное ли и Петрок предлагает, осязая неведомое своим острым, как нож, умом? Или что-то еще более высокое, понятное только ему?

Он вздрогнул, когда в грудь уперлись копья. Стражи огромного роста охраняли шатер Агамемнона, но и они позеленели от страха, увидев, как яростно изменилось лицо гиперборея.

Ахилл взмахнул кистью, раздался треск, обломки копий полетели в воздух. Он шагнул мимо отскочивших стражей, откинул полог. Усмехнулся: шел через лагерь ахейцев, но за думами не заметил...

Агамемнон восседал на троне: угрюмый, надменный, ушедший в иссиня-черную бороду, остальные тцари и вожди сидели, кто где нашел место. Проще всех держался и беднее всех был одет Одиссей – властелин маленькой Итаки, у которого хватило ума взять в жены не Елену, хотя он победил на состязаниях Менелая, а ее двоюродную сестру Пенелопу, которая красотой не уступала, умом превосходила, а уж верности могла поучить сестру, что ранее была женой Тезею, любовницей Титию, наложницей Стинисса, женой Менелая, теперь жена Парису, а вскоре опять пойдет за Менелаем в его Спарту...

Еще выделяются могучие Аяксы, древний старик Нестор, смуглокожий черноволосый человек, что сидит рядом с Агамемноном, кудрявый, с сединой, быстрыми глазами, в пышной одежде жреца...

Агамемнон ударил в пол посохом, выждал паузу и заговорил значительно, пристально глядя на вождя россос:

– Архонт тавроскифов! Совет тцарей пригласил тебя, нашего союзника, чтобы совместно решить, как взять Илион...

Ахилл сел возле Одиссея, дружески толкнув того в бок, ответил, не задумываясь:

– А что решать? Ударим с ходу. Троя не успеет опомниться, как захватим. Так уже однажды сделал наш Геракл. Он тогда в живых оставил только одного ребенка, назвав его Приамом, а теперь этот Приам владеет Троей! Надо ему напомнить прошлое.

К Агамемнону наклонился жрец, шепнул, неприязненно глядя на князя мирмидонян. Агамемнон медленно наклонил голову.

– Нет, – ответил он с достоинством, – боги не велят. Принесем жертвы, неделю подождем ответа богов. Так принято!

Ахилл мгновенно вскипел:

– Как могут ваши волхвы быть на совете? Здесь говорят только воины!

Агамемнон грозно повысил голос:

– Не богохульствуй! Голос богов – высший голос. У просвещенных народов боги есть, это они решают наши судьбы.

Ахилл расвирипел на колкость:

– Самые могучие боги – наши боги! Сварог, Род... Явь, правящая миром, свирепый Перун и неистовый воин Доннар! Пока они с нами, кто против нас?

Верховный жрец вскочил, но Нестор уцепился за его рукав:

– Да-да, это могучие боги!.. Но зачем ссориться? Они помогут и через неделю.

Ахилл бросил с досадой:

– Наши боги помогают смелым, а не ротозеям! Провороним время, нас же и накажут!

– А вот наши боги, – изрек Агамемнон победно, – помогают нам всегда!

Ахейцы одобрительно зашумели. Верховный жрец смотрел насмешливо, что-то говорил, презрительно улыбаясь, Агамемнону.

Ахилл вскочил на ноги, как огромный барс, грянул гневно:

– Нет на свете богов, которые помогали бы слабым да ленивым!

Оскорбленные ахейцы вскочили, загремело оружие. Агамемнона скрыла стена могучих мужчин в доспехах, по глазам ударил холодный блеск обнаженных мечей.

Ахилл презрительно усмехнулся, тряхнул головой. Забрало клацнуло, укрыв нижнюю часть лица, теперь только через узкую прорезь в шеломе пылали бешенством голубые глаза. Он сделал неуловимо быстрое движение, и в его руках уже на изготовку боевой топор и круглый щит.

Ахейцы замерли, боясь сделать движение: гиперборей готов к бою. Слышалось только шумное дыхание, но тут сзади раздался голос верховного жреца, и стена плотных тел угрюмо двинулась на Ахилла. Кто-то воровато скользнул ему за спину, но внезапно с треском отлетел полог, в шатер ворвался солнечный свет, свежий ветер и свирепый клич:

– Ахилл, мы здесь!

Ахейцы разом подались назад. Многие поспешно бросили оружие. Ахилла сзади хлопнули по плечу, с боков встали витязи в тяжелом вооружении, крепкие как дубы.

– Аристей нас послал... Негоже, грит, князю без супровода!

Ахейцы, ворча и опасаясь сделать неосторожное движение, медленно рассаживались вокруг Агамемнона. Тцар тцарей был белым как мел. Мирмидонян мало, но все помнили про их неуязвимость.

Нестор со стоном бросился на середину шатра, его белая борода расстилалась следом, как снежный вихрь. Растопырив трясущиеся руки, он прокричал:

– Опомнитесь! Опомнитесь, герои! Мы еще не вступили в бой, а распри уже начались!

Ахилл первым опустил топор. Россы по его знаку бросили мечи в ножны. Не сказав ни слова, князь мирмидонян повернулся и, сопровождаемый своими воинами, вышел из шатра.

На другой день мирмидоняне вступили в бой. Троянцы сопротивлялись стойко, но когда передние ряды пали под свирепыми ударами гипербореев, страх охватил защитников Трои, они бросились бежать. Часть их войска попыталась обойти россов с тыла, но тут, рискуя навлечь гнев богов, с кораблей Одиссея на берег посыпались немногочисленные итакийцы, с ходу ударили троянцам в спину. Вел их в бой сам Одиссей, разгоряченный, злой.

Троянцы бежали за стены города, оставив богатую добычу. Именно здесь Агамемнон, не принимавший участия в битве, допустил роковую ошибку. Завидуя славе князя россов, он при дележе добычи выделил ему наименьшую часть. Напрасно дальновидный Одиссей пытался переубедить надменного и недалекого предводителя похода.

Ахилл, вернувшись на корабль, в ярости сорвал тяжелый пояс с мечом, швырнул от себя, едва не проломив борт.

Петрок в испуге отшатнулся от дощечек, на которых чертами и резами вел записи.

– Что стряслось, князь?

– В бой не пойдем, – отрезал Ахилл. Его глаза метали молнии. – Чужими руками жар загребать? Не-е-ет, придется напомнить, чего мы ст...оим!

Он опустил было на скамью, но злая энергия подбросила, он в бешенстве заметался по тесному помещению.

– Князь, – встревожился Петрок, – мы же обещали...

– Да, – взревел Ахилл, – но они сами нарушили договор! Мне не добыча нужна, честь задела!.. Жалкие трусы, льстецы! Как умоляли, как упрашивали о помощи!.. Знали же, что без нашей помощи, без нашего оружия им не взять не только Трои, но и жалкого хлеба!

– Князь...

– Молчи! Ищешь новые высокие истины, а тут говорят старые, простые: честь, достоинство. Ты там растекайся мыслью по дереву, но и на жизнь оглядывайся!

– Князь...

– Все! – отрезал Ахилл. – С кораблей посмотрим, чего они без нас стоят. Посмотрим с кораблей! На берег – ни шагу!

За ним, закусив губу, молча наблюдал Аристей. В этом первом бое с троянцами был ранен всего один россич. Молодой, горячий, он вырвался далеко вперед, удары медных жал напрасно пытались просечь булатные доспехи, но одно острие попало в прорезь для глаз... Молодой воин никогда уже не увидит солнца.

Через несколько дней троянцы поняли, что мирмидоняне в боях не участвуют. От сопротивления перешли к атакам, и один за другим гибли ахейские герои. Все новые отряды выплескивались из стен Трои, ахейцы отступали...

После жестоких поражений к Ахиллу потянулись делегации от Агамемнона. Последнюю возглавил Нестор. Он обещал нагруженные золотом корабли, возврат всей добычи, даже руку дочери Агамемнона.

– Жена у меня есть, – ответил Ахилл враждебно, – есть и сын. А на золото я не падкий, не за ним привел воинов!

Посланники ушли ни с чем, на корабле Ахилла воцарилось тяжелое молчание. Петрок низко склонился над записями, Аристей меланхолично штопал порванную в первом бою рубашку.

– Вступила обида девою на землю Троянскую, – сказал он невесело. – Нужно ему было бабу красть! Как будто девок не было.

Петрок поднял голову, сказал задумчиво:

– Вступила обида девою на землю Троянскую... Хорошо сказал! Это о Брисеиде, которую Агамемнон отнял у Ахилла?

– Хоть о Брисеиде, хоть о Елене, – ответил Аристей безучастно. – Из-за баб великие возникают обиды, великие распри! Иной раз целые народы гибнут...

Ахилл лежал на медвежьих шкурах, забросив руки за голову. К разговору он прислушивался лениво, но тут вмешался:

– Ты не прав, воевода! Чему парня учишь? Не из-за баб, то – повод. Все куда скучнее. Но песни будут! Сегодня я слышал одну... Аристей, что с тем воином, что глаза потерял? Его Бояном кличут в роде?

Аристей коротко взглянул, заколебался.

– Да, Боян... Ахейцы его прозвали Омир, что по-ихнему означает слепец... Тосковал парень, но если по чести, то, может, и лучше, что ему глаза выбили. Лучше песни складывать будет.

Ахилл вскочил, лицо его налилось кровью. Он задышался от ярости, рука шарила на поясе, отыскивая меч.

– Зверь!.. Как ты... Да разрази тебя Перун за такие слова!

Аристей отпрыгнул к двери. Он побелел, напрягся.

– Князь! – заговорил он предостерегающе. – Князь!.. Помни, ты не простой воин, а князь! Ты должен мыслить иначе, ты должен видеть главное! Кем бы остался этот воин, будь по-прежнему с глазами? Храбрым рубакой, который в конце концов погиб бы где-то, а если бы и прожил долгую жизнь, то опять же – на поверхности жизни: принимая удары и нанося их сам!.. А так ему откроется глубина. Не разумеешь? Они, эти слепцы, видят суть вещей. Силы у него в избытке, а куда расходовать теперь? Пока был цел, я учил его правилам певца! Певцами, князь, рождается много, да мало кто становится. По мелочи живем, а он теперь руками-ногами ничего не сможет, только голова да язык остались! Будь уверен, всю оставшуюся силу бросит в святое ремесло певца!

Ахилл дышал тяжело, ярость утихала медленно, в глазах еще вспыхивали горячие искры.

– Сегодняшняя песня была его? – спросил он хрипло.

– Да.

– Ладно, – сказал он. Тяжело опустился на ложе из шкур, сказал с болью: – Ты прав, но ты жестокий человек... Сварог щедро тебя одарил, но клянусь небом, в твоих песнях много ума и мало сердца, потому их в народе забудут скоро!

Аристей холодно наклонил голову. Он был уязвлен.

– Для государства важнее моя правильная политика, чем мои поэмы.

– Я в этом не уверен, – буркнул Ахилл и поспешно отвернулся, чтобы не слышать возражения воеводы, который всегда побеждал в спорах.

Троянцы в новом жестоком бою разгромили ахейцев наголову. Россы со своих кораблей угрюмо смотрели, как, преследуя бегущих, троянцы убивали их в спину, усеивали трупами бескрайнее поле, а затем и все побережье.

В отчаянии ахейцы бросили лагерь, спасались на кораблях. Часть троянского войска осталась грабить лагерь и добивать защитников, другие попытались с ходу ворваться на корабли. Завязалась жестокая сеча, на корабли полетели факелы. Первым вспыхнул корабль Агамемнона, огонь охватил паруса.

Петрок не выдержал, ринулся к Ахиллу:

– Князь, дело общее! Давай выступим!

Ахилл отрезал:

– Нет.

В сторонке Ярослав, воевода с другого корабля, сказал горестно:

– Извечная болезнь россов... Один сражается, другой с высокого холма смотрит на гибель войска соседнего князя, мед пьет и злорадничает...

– Здесь дерутся ахейцы с троянцами! – бросил Ахилл.

– А разве у нас не так? Никогда не удавалось выступить разом.

– Было.

– Когда было, – протянул Ярослав.

Он тяжело спрыгнул с корабля на песок, побрел к своему кораблю. Троянцы на него не нападали, они держались поодаль от черных кораблей мирмидонян.

Петрок и Аристей ощутили, что князь поколеблен. Память о славном походе прошла через века, тысячелетия и осталась в песнях. Тогда их пращурь спустились с высоких Кар-

патских гор, разгромили обитающие внизу племена, увлекли их в удивительнейший поход в попытке достичь края земли... Они шли через степи, сметая с пути воинственные племена кочевников, шли через леса, уничтожая и разметывая лесных людей, шли через снежные горы... Они принесли в Китай железо и колесницы, там смотрели на колесо как на чудо, с боями вошли в жаркую Индию, прошли ее всю, покоряя местные племена дасиев, добрались до океана. Дасии клялись, что дальше земель нет, а вода за сотню верст от берега уже кипит... Многие там остались, установив на новых землях свои законы, а местных жителей зачислив в особую варну неприкасаемых, чтобы уберечь немногочисленных россичей от растворения среди народов, которых как песку на берегу океана, другие же пошли обратно, и тогда от великого племени стали отделяться род за родом, оседая на покоренных землях, давая начало новым народам... И вот теперь, всего через несколько сот лет, наследники великого похода едва понимают друг друга!

Аристей пробормотал вполголоса:

– У каждого князька своя дружина... А для народа это гибель.

Петрок умоляюще схватил Ахилла за руку:

– Князь! Можно спасти ахейцев и слово не нарушить! Дай мне свои доспехи, троянцы побегут от одного появления россов!

Ахилл ошеломленно дернулся:

– С ума сошел? Твоя голова всех наших стоит!

Аристей ступил вперед, сказал Ахиллу прямо в глаза:

– Отпусти Петрока! Отгоним от кораблей, сразу вернемся.

Сзади зашумели. Ахилл яростно обернулся. Воины в полном вооружении нетерпеливо переминались с ноги на ногу, метали недобрые взгляды, слышался ропот.

– Князь, отпусти!

– Мы только шугнем чуть!

– От кораблей, а там пусть сами!

– Вернемся тут же!

Ахилл привлек к себе Петрока, поцеловал, пристально взглянул в глаза. Юноша крепок, мускулы как железные, грудь широка, а руки сильные, к воинским упражнениям привычные... В боях был не раз, и Ахилл всегда отпускал его без боязни, пока не открыл в нем редкостный дар провидца, дар ведуна...

– Только от кораблей, – наказал он, – и сразу назад!

Россы лавиной хлынули на берег. Многие прыгали без щитов, медные острия деревянных копий даже не царапали доспехи из булата, и россы в этой войне перестали думать о защите, всю силу вкладывая только в удары.

– Мирмидоняне!

Троянцы, словно о стену, ударились о чей-то отчаянный вопль. Передние попятились, обреченно подняли щиты.

Петрок налетел на переднего, саданул копьем. Троянец закрылся щитом, но широкое стальное лезвие пробило с легкостью, полоснуло троянца по плечу. Тот рванулся, застежки лопнули, и он отскочил, оставив на копье Петрока щит и медный наплечник. Петрок попытался высвободить копье, но троянец ринулся вперед, ударил мечом. В голове загудело, а троянец, схватив меч обеими руками, стал бешено рубить гиперборея, стараясь просечь доспехи.

– Ах, ты так! – Петрок бросил бесполезное копье, рванул из ножен меч, с силой опустил его на троянца. Сбоку раздался вопль, второй троянец шарахнулся, ибо меч мирмидонянина рассек противника от шлема и до пояса.

– Вперед, россы! – закричал он звонким страшным голосом, подражая Ахиллу.

Сеча стремительно отодвигалась от кораблей. Земля покрылась телами троянцев. Это была бойня, мечи и боевые топоры россов рассекали противника с той же легкостью, словно те и не надевали доспехов.

Застоявшиеся от долгого безделья россичи опрокинули и погнали троянцев. С корабля раздался громовой голос Ахилла, призывающий вернуться, но никто не услышал, громко пропела боевая труба, приказывая отходить, однако каждый слышал только лязг оружия. Опьяненные победой, россы гнали и гнали троянцев...

– Вперед, вперед! – торопил ратников Петрок, не замечая, что голос от волнения становится таким же яростным и хриплым, как голос Ахилла.

Они продвигались почти бегом, нанося жестокие удары, усеивая поле битвы павшими. Воздух был горячий, наполненный криками, стонами, руганью, ударами железа по доспехам и щитам.

Разгоряченные, россы гнали троянцев до самых стен Трои. Уже совсем близко Петрок видел огромные ворота, там стоял неумолчный крик сотен воинов, что стремились найти убежище от страшных мирмидонян, и вдруг троянцы остановились. Они гибли, но сражались отчаянно, несколько россов отступили в задние ряды, зажимая раны. Их прикрыли щитами. В воротах загремел яростный голос, Петрок дрогнул, узнав вождя троянцев, неустрашимого Гектора.

Петрок поверг на землю еще двоих, и тут из клубов пыли вынырнула великанская фигура. Это был Гектор.

Увидев доспехи Ахилла, он на миг остановился, не решаясь вступить в поединок с неуязвимым вождем мирмидонян. Остановился и Петрок, страшась гиганта, надеясь, что тот уйдет... но Гектор медленно, поднимая копье, пошел вперед.

Петрок не стал уклоняться, чтобы показать крепость своих доспехов, но от страшного удара едва не упал навзничь. Гектор ринулся вперед с мечом, Петрок совсем близко увидел яростные голубые глаза. Уклонившись, он скользнул под руку великана, стремясь достать мечом в живот, но тот легко отвел удар.

Петрок бешено наступал, стремясь нанести тяжелый удар – один-единственный! – Гектор медленно пятился, он пошатнулся на кочке, и Петрок наискось достал его голову. Шлем звякнул, слетел, Петрок успел бы ударить еще, но не смог, ошеломленный: Гектор был точной копией Ахилла – такое же суровое мужественное лицо, ярко-синие глаза, белокурые волосы – прав был воевода, видать, венды, основавшие Трои, – кровные родственники, оторвавшиеся от родового ствола сотни лет назад...

Гектор тряхнул головой, волосы сверкнули на солнце, как сотканые из его лучей, решительно отбросил изрубленный щит, схватил обеими руками длинный меч.

– Держись, Ахилл, – прохрипел он. – Сдается мне, ты не так крепок, как о тебе говорят.

Петрок шатался под градом ударов. Разъяренный Гектор наступал, его меч иступился, лезвие погнулось, и он уже бил как молотом. Петрок с усилием остановился, стремясь переломить поединок, но страшный удар обрушился на голову, небо вспыхнуло, он запрокинул голову, теряя сознание, и на миг разошлись на горле пластины панциря, открывая единственно уязвимое место...

Петрок без звука рухнул к ногам гиганта. Кровь ударила тугой струей. Он еще хрипел, руки загребали пыль, шлем свалился, открыв бледное лицо.

Гектор стоял над ним, тяжело дыша. Это не Ахилл, но до чего же непросто сразить мирмидонянина! Они все из-за доспехов неуязвимые, а воды Стикса, в которых Фетида купала сына, ни при чем. Если он действительно неуязвимый, пусть выйдет теперь в бой без непробиваемых доспехов!

Ударили россы, стремясь забрать тело Петрока, сеча завязалась с новой силой. Воодушевленные троянцы дрались отчаянно. Гектор рубился впереди, к нему подоспели братья –

такие же гиганты, и россы, уставшие от кровавой бойни, начали медленно отступать сомкнутым строем, всякий раз поражая тех, кто пытался прорвать ряды. Троянцы наступали, гибли сотнями, но немногочисленную дружину сумели оттеснить к самым кораблям.

Третий день скрипели телеги. Из дальних рощ свозили вековые дубы на краду – погребальный костер. Воины на колесницах вытаптывали густую траву, ибо после погребения предстояло насыпать курган, как всегда делали на Поднепровье, а затем открыть тризну – погребальные игры, для победителей которых Ахилл учредил дорогие призы, в том числе самый дорогой – слиток настоящего железа.

Ахилл корабля не покидал. Впервые в жизни, не стесняясь, плакал.

– Не убивайся, князь, – сказал Ярослав. – Разве лучше умереть в постели? Великие герои собрались, пасть в поединке с ними не позорно.

Ахилл не поднимал головы. Петрок погиб геройски, после крады его ждет место в дружине Сварога, но почему плачет сердце?

– Он погиб смертью воина, – ответил он глухо, – но это простая смерть... Для нас она самое лучшее, ибо что мы можем? Если не погибнем славно, никто не вспомнит. Я – бывший князь маленького племени россов, ты – храбрый воин... Таких, как мы, пруд пруди!

Воевода взглянул изумленно.

– Князь, ты не захворал часом?

Ахилл поднялся. Его зашатало, он ухватился за мачту. Он был страшен, лицо пожелтело.

– Сегодня мне во сне явился Петрок... Я знаю, как много мы потеряли. Он приоткрыл мне будущее: мы все бесполезно истребим друг друга, разрушим великие города и падем сами. Затем, попирая наши белеющие кости, придут сюда дикие народы, еще не утратившие звериный облик, что боялись нас раньше, держались на краю Ойкумены... Войны – зло, ибо герои и мудрецы уцелевают редко, а трусость спасается вся! Войны вымельчивают породу людей...

Воевода пошел вслед за Ахиллом, опасаясь, как бы тот от смертельной усталости не свалился за борт.

– Князь, не молчи! Распоряжайся, командуй, не задумывайся!

Ахилл повернул к нему лицо. Усмешка раздвинула губы, и воевода содрогнулся: перед ним было лицо мертвеца.

– Я видел и свое будущее... Я убью Гектора! Я должен его убить за Петрока. Кто-то из его братьев убьет меня – они обязаны меня убить за Гектора. Убьют и всех его доблестных братьев – мои сородичи должны их убить за меня, а город затем разграбят, сожгут, сотрут с земли... Погибнут все ахейские герои, ибо Троя не тот город, который легко захватить... И самое дикое в том, что я, все это зная, не могу вырваться из заколдованного круга, не могу поднять паруса и отплыть в Тавриду, оставив эту бесполезную войну! А ведь если бы я ушел, то и остальные отступились бы! Ахейские герои остались бы живы, Троя по-прежнему была бы заслоном для диких племен!

Воевода смолчал, опустив голову.

– Вот видишь, – сказал Ахилл мертвым голосом, – все идет по воле богов! Так ими задумано, так и будет. А нового бога, которому стоит ввериться, Петрок назвать не успел...

В операционной

В операционную медсестра ввела, придерживая сзади за локти, молоденькую женщину в непомерно длинном больничном халате. Я машинально скользнул по ней взглядом, вздрогнул, всмотрелся. Таня, насмешливая Таня с нашего двора, самая яркая девчонка улицы?.. Когда по утрам шла в институт, я вычислял, когда вернется, выскакивал навстречу, а когда она поняла эти нехитрые маневры сопляка, каким я был в сравнении с провожавшими ее верзилами, то посмотрела так выразительно, что я, сгорая со стыда, спрятался в дом, чтобы с тех пор следить за ее возвращениями только из-за занавески.

Ребята с нашей улицы тоже жадно следили за ней из окон... Но жизнь не стоит на месте: я получил квартиру в дальнем микрорайоне, пошли хлопоты по переезду, появились новые знакомые и новые соседи, после учебы меня неожиданно взяли ассистентом психоаналитика – еще год-два, и доверят самостоятельные операции, и Таня отошла на задний план, хотя горькое чувство утраты осталось, даже разрослось, и я за эти годы так и не женился, почти не встречался с женщинами, за исключением совсем уж случайных знакомств...

Сестра усадила Таню возле операционного стола, со вздохом села заполнять карточку. Таня, бледная и сильно исхудавшая – одни трагические глаза, – безучастно смотрела перед собой. Я ощутил, как меня покидает мудрое спокойствие и понимание психоаналитика. До меня доходили слухи о некоем Викторе, я его однажды даже видел с нею, когда они усаживались в новенькую «Волгу»: красавец с пухлыми губами, высокий, статный, мускулистый, хорошо одет. И ты, насмешливая и проницательная, умевшая видеть нас, твоих дворовых поклонников, насквозь, не рассмотрела это ничтожество, которому и рост, и мускулы, и красивое лицо дали родители, как и фирмовую одежду и личную «Волгу»!

– Что с ней? – спросил Мальцев безучастно.

Он чувствовал себя неважно, а еще предстоит собрание после работы, какой-то обязательный треп о ежеквартальности, докладывать ему, успеть бы приготовиться в обеденный перерыв, а пока хоть основные тезисы обдумать...

– Не реагирует ни на какие раздражители, – ответила медсестра. Она была новенькая, наших терминов еще не усвоила, говорила так, как понимала. – Хоть говори ей что, хоть не говори, хоть плачь – ей все равно!.. Венский говорит, что она заиклилась на чем-то для нее сверхважном, и теперь ее мысли ходят по кругу.

– Зондаж делал? – поинтересовался Мальцев отрывисто. Я видел, что он придвинул листок и сделал первую запись. Почерк корявый, но я разобрал, что речь шла о подшефной свиноферме.

– Да, он сделал два психозондажа, – ответила медсестра послушно, как школьница. – Медикаментозное лечение результатов не дало, показана операция...

Мальцев вздохнул, потер ладонью лоб. На листике под пунктами вторым и третьим было еще пусто.

– Зовите, – сказал он хмуро. – Начнем, работы еще много.

Сестра метнулась за дверь, только халат мелькнул. Слышен был ее звонкий голосок, когда она созывала хирургов, помощников, техников. Они медленно стягивались в операционную, а я еще во все глаза рассматривал Таню. Теперь смотреть можно. Теперь взглядом не обжигает.

На операционный стол ей взобраться помогла медсестра. Таня все выполняла безучастно, как кукла. Где ее мысли, где ее сознание теперь? Ее мир для нас закрыт, она сейчас даже боли бы не почувствовала.

Ее закрепили на столе специальными захватами, техники уже приклеивали свои датчики. ЭВМ оживала по мере их подключения: две стены из блоков в семь миллионов каждый, треть

ближайшей стены занимают пять экранов, где уже потянулись пульсирующие белые линии, побежали первые цифры...

Хирурги сходились к столу. Мальцев со вздохом сбросил халат, намереваясь вскарабкаться на соседний стол, как вдруг я, неожиданно даже для себя, сказал громко:

– Прошу разрешить операцию мне!

На меня оглянулись с таким видом, словно у них в операционной неожиданно появилась буриданова или еще чья-то там ослица и запела. Ассистент, да еще младший! Тебе еще пять лет только авторучку подавать хирургу, не раскрывая пасти!

– Я знаю эту девушку, – сказал я торопливо. – Вернее, знал ее здоровой. Подонок, в которого она верила, как в бога – такие хрупкие ранимые натуры, как она, еще на это способны, – в чем-то разочаровал ее. По моему глубокому убеждению, это и стало причиной болезни. Она очень хрупкая! У нее в семье одни скрипачи, лингвисты, художники...

– Гм, – сказал один из хирургов, самый пожилой, – хрупкую натуру повредить легко, вылечить трудно.

– Мне кажется, – сказал я, запоздало понимая, что нельзя так говорить с опытными психхирургами, нужно опускать «мне кажется», – считаю, она заиклилась на противоречии.

Мальцев поморщился, открыл рот, явно собираясь поставить меня на место, а старый хирург спросил с интересом:

– Ну-ну, каком?

– Он, дескать, идеал, но поступил мерзко, и вот она день и ночь ежечасно и ежеминутно пытается найти объяснение, оправдать его...

– Найдет? – спросил кто-то.

– Вряд ли, – ответил я. – Довелось видеть этого героя. Как она влипла, не понимаю.

– Тогда операция неизбежна, – сказал главврач. – Ну а вы, юноша, уверены... э-э... в себе? Что вы умеете делать?

– Я прошел специальные тренировки, – отчеканил я, глядя ему преданно в глаза. – Я с отличием сдал экзамены по психозондажу и погружению, я полгода ассистирую...

– Я, я, – прервал меня главный. Он несколько мгновений молчал, глядя, как я покрываюсь краской, затем договорил уже другим тоном: – Впрочем, для психхирурга – это не порок... Для человека... э-э... порок, а для хирурга нашего профиля – достоинство. Кроме того, коллеги, нам пора выдвигать молодую смену... Да и сверху напоминают, что мало работаем с кадрами.

– Василь Леонидович, – сказал самый пожилой, – конечно, это поможет, если молодой чек знает эту девушку. Он знает ее слабости, достоинства, в чем-то знаком с внутренним миром. К тому же начинать самостоятельно все равно когда-то придется... Но как бы не увлекся! Понимаете?... У этих юных девушек бывают, скажем, такие глубины, такие отклонения, что... гм... как бы этот юный Дон Кихот не ринулся исправлять все немедленно.

Я вскинулся от обиды:

– Вы меня принимаете за мальчишку с улицы? Мы изучали именно глубинную психологию, не беспокойтесь. А здесь, как вы догадываетесь, это основная наша работа.

Кто-то хихикнул, услышав такой отпор, главный же нетерпеливо взглянул на часы, сказал:

– К делу, товарищи.

Мальцев с облегчением уступил мне место. Техники закрепили меня на столе, я не мог шевельнуть и пальцем, десятки датчиков усеяли мое тело.

Справа и слева на экранах я видел стремительно бегущие линии, дескать, у объекта номер два пока все в порядке.

Подошел главный. Глаза были внимательные, пронизывающие.

– Запомните, – сказал он неожиданно жестким голосом с примесью металла, – погружение в психику больного всегда крупнейший риск даже для специально подготовленного психиатра! При малейшей ошибке лишается разума сам хирург. Зачастую безвозвратно. Запомнили?

– Я это твердо помню с первого курса, – ответил я, чувствуя, что моя дерзость сейчас к месту.

– И еще. Вам разрешаем только кратковременное погружение. Ясно? Всего на пять-шесть минут. Посмотрите, оцените – и сразу же назад. Запомнили?

Я кивнул. Погружаются всегда по многу раз, от двух-трех секунд и, в случае абсолютной безопасности, все больше увеличивая интервалы. Но даже при психирургическом вмешательстве излечение наступает не всегда...

– Готово? – послышался нетерпеливый голос одного из техников.

– Начинайте, – прошептал я, – вхожу в резонанс...

Я сосредоточился, сжал волю и чувства в пучок, собрал все то, что так называется, хотя это не совсем правильно, старался прочувствовать, ощутить хаос, что наполняет сознание девушки, увидеть своими глазами мрак, что заполнил ее душу, прочувствовать ее состояние, погрузиться в глубины ее изломанного неверного мира, найти ее в развалинах, исправить, связать разорванные нити...

Стены ушли, окружающее растворилось, только неумолимые глаза главного еще долго гипнотически висели надо мной, и я читал в них, что, если задержусь хоть на несколько минут, о работе психирурга-аналитика можно забыть...

Я опускался в темно-красные волны, что накатывались из пространства. Они шли сверху и с боков, мне стало тепло, я уже был в невесомости, приятной невесомости, естественной, более естественной, чем жизнь под тяжестью веса. Над головой нависали тяжелые красные складки, похожие на живой красный бархат, но я все опускался, опускался, на миг шевельнулся страх, но я подавил его. Волны накатывались вязкие, плотные, я продавливал их, погружался; вокруг красный рассеянный свет; иногда проплывают более темные сгущения; я опускался ниже, волны оказывались вверху, а снизу возникали другие, словно бы я смотрел из окна самолета на подкрашенный кровавым закатом облачный кисель, и я, вывалившись из самолета, замедленно падал на эти облака, погружался... Уже жарко и влажно, а я все падал в напряженном ожидании, на миг вспомнил глаза главного, пора возвращаться, но впереди и немного левее вспыхнул свет, я напрягся, но падение пронесло мимо, затем свет вспыхнул еще раз, но опять мимо, затем еще несколько раз – иногда слабый, иногда сильнее, но падение всякий раз увлекало мимо, и я заставил себя забыть грозные глаза, надо же увидеть хоть что-то, розовый кисель – этого мало, но вот впереди вспыхнула еще светлая точка, и уж ее в падении не миновать...

Навстречу мне поднимались скелеты высотных домов с черными провалами окон, с пробитыми крышами. Некоторые дома разрушены до основания, кое-где в развалины превратились только наполовину...

Я опускался все ниже и видел обугленные столбы, черный пепел на месте деревьев. Справа и слева домов красный туман или красная плоть: обломок мира окружен красными гигантскими волнами, даже покачивается, и эти волны медленно накатываются со всех сторон, поглощая странное образование.

Опустившись на грудь развалин, я ощутил привычную тяжесть. Камни горячие, из-под ступней взвилось облако сухой пыли. Я нерешительно сделал пару шагов. В этом мертвом мире делать нечего, нужно возвращаться: вышло время, да и для предварительных выводов материала уже достаточно – очень уж странные и жутковатые эти высотные дома, сквозь которые просматриваются яркие темно-красные волны, словно складки занавеса! Очередь за диагностами с их мощными ЭВМ, а потом снова погружение...

Сзади послышался треск. Огромное здание медленно разваливалось, с той стороны напал туман. Куски здания, еще не долетев до земли, растворялись в тяжелых красных волнах забвения, и те медленно катили через развалины, подминая их, растворяя.

Чуть левее высылось почти целое здание, и когда волна лениво накатила, оно даже не рассыпалось... Я с ужасом видел, что красное продавливается через пустые окна, перекачивается через крышу, и здание – осмысленный обломок реальности! – бесследно растворяется в бессознательном, уходит, остается только красный туман беспамятства, глубинных рефлексов, которые по природе своей лишены начисто контактов с внешним миром...

Туман накатывался со всех сторон. Я оказался на пяточке реального мира, в последний раз топнул по обломкам, ушиб палец, провел ладонью по шероховатой поверхности бетонной стены, на которой еще виднелась надпись: «Вовка – дебил», и тут волна накатила, подхватила, я снова оказался в купели тумана; начал проваливаться вниз, со страхом понимая, что в это же время бессознательное теснит и растворяет остатки реального мира всюду, где те еще остались, обрывает последние связи с внешним миром...

Вторая встреча была с берегом моря, пустынным и неприветливым. Дул холодный ветер, по волнам бежали белые барашки, я сразу озяб, хотя совсем недалеко из моря вставала красная жаркая стена, что приближалась неумолимо, превращая осмысленное в хаос.

Сзади тоже надвигалась стена уничтожения. С моря была ближе, и я пошел ей навстречу по мелководью. Ноги сковало холодом, но дно понижалось медленно, и я долго брел по шиколотку, пару раз оступился в неглубокие ямки, но стена уже близко, я не успел погрузиться и до пояса, когда хаос навалился, попытался подмять, но панический страх помог сохранить свое, и когда твердое дно внезапно растворилось, я пошел вниз, вниз, вниз...

Еще дважды я наткнулся на обломки реальных представлений, но все чаще меня окружал кровавый туман. Там ворочалось, ухало, булькало, я держался изо всех сил, нервничал, уже совсем было решил возвращаться, представляя, какой разгон получу за задержку, как вдруг внизу показался рассеянный свет, что выглядел не точкой, а вытянутым овалом, и я видел, что это пока что самый большой участок еще уцелевшего сознания.

Я опускался, не понимая, почему так тревожно сжимается сердце: ведь деревья, дома и все-все выглядят обыкновенно – обычный городской квартал, и, лишь заметив зловещие кровавые отсветы на стенах, понял причину. На горизонте вспыхивали плазменно-белые сполохи, но само небо нависало над крышами домов. Солнца нет, только дымящаяся кровь, разлитая по всему небосводу.

Ноги коснулись земли, тело отяжелело. Город выглядит пустым. Тротуары тоже пустые, зато по проезжей части несутся потоком машины, автобусы, троллейбусы.

Я медленно и настороженно пошел вдоль зданий, гнетущее чувство не оставляло. Тротуар по-прежнему пуст. Я отодвинулся к проезжей части, на ходу заглядывал в окна. Плотные занавески, а если где и есть щели, то не рассмотреть – в комнате сумрак.

Внезапно по ногам ударило грязью. У самого бордюра пронеслась элегантная «Волга», за рулем высокий красивый парень в кожанке. Одной рукой небрежно крутил баранку, другой как раз стряхивал с сигареты пепел.

Я оцепенел, позабыв про грязь. Тот красавец, с которым Таня садилась в машину! Виктор. Характерное имя – победитель. Как он лихо победил эту тонкокожую девчонку...

Наконец я заставил себя двигаться. Впереди в шезлонге развалился – на втором этаже! – еще один красавец. У меня по нервам пробежала дрожь: Виктор. В модной тенниске, тугих шортах, загорелый, мускулистый. Он скупающе переворачивал страницы газеты, бегло скользил взглядом наискось по полосам.

Внизу из подъезда вышел элегантно одетый мужчина. Правая кисть обмотана поводком, следом выскочил замешкавшийся эрдель, резво потянул к ближайшему дереву. Оба холеные, породистые, но я ощутил шок: снова Виктор.

Я в панике поднял голову. Виктор на балконе нетерпеливо перевернул последнюю страницу, отшвырнул раздраженно, а внизу на асфальте эрдель резво утаскивал за поводок другого Виктора.

Впереди остановилось маршрутное такси. Дверца распахнулась, выбрался мужчина, низко пригибаясь на выходе, а когда разогнулся, я узнал Виктора. Он толкнул дверцу обратно, но я успел рассмотреть другого пассажира, который, положив «дипломат» на колени, красиво и мужественно смотрел вдаль...

Я с усилием взял себя в руки, пошел вперед, Викторы уже появлялись везде: в окнах домов, на балконах, за рулем легковых машин, часто – иностранных марок, не было их только в магазинах ни по ту, ни по эту сторону прилавка: очевидно, для него это выглядело унижительно, как оказаться за рулем автобуса или троллейбуса, да и среди дорожных рабочих, что ремонтировали трамвайный путь, я тоже не увидел картинного красавца.

По дороге попался кинотеатр, затем театр, но я прошел мимо, понимая, что и там наверняка встречу его: на экране – в роли благородного героя, в театре – в лучшей ложе...

Впереди на дорогу упала тень. Из-за угла вышел широкоплечий атлет, остановился, расставив ноги и заложив руки за спину. Лицо его было в тени.

Я замедлил шаг, тогда он качнулся вперед и тоже пошел тем же медленным шагом. Мы сходились, словно ковбой перед началом стрельбы, и он был похож на киноковбоя: мгновенного стрелка и быстрого на удар. Я же видел, что его глаза держали меня, следили за каждым движением. Он был высок, широкоплеч, лицо грубовато-мужественное, в поясе его перехватывал широкий кожаный ремень.

Когда между нами оставалось шага четыре, я остановился. Остановился и он.

– Ты вытеснил людей, – сказал я. – Это правильно?

– Количество не переходит в качество, – ответил он.

Говорил он уверенно, голос был сильный, красивый, богатый оттенками.

– Другие люди... всегда помогут, – сказал я. – Мы не зря живем среди людей. Другого пути нет.

– Есть, – ответил он четко. – Лучшие уходили от них. Уходили в себя! Уходили в пустыни, горы, тайгу, чтобы иметь возможность по-настоящему уйти в себя.

– Лучшие возвращались, – возразил я. – Они несли людям то, что отыскивали в раздумьях. Только их имена хранит наша память.

– Мы, – ответил он раздраженно и с нажимом, – прекрасно обходимся без людей.

– Ты страшишься их, – сказал я. – Они раскусят тебя быстро.

– Что? – спросил он свирепо.

– Они раскусят тебя, – повторил я громко. – Ты дутый герой...

Он мгновенно оказался передо мною. Я увидел бешеное лицо, мелькнул кулак, я не успел уклониться, подбородок обожгло, пронеслась стена здания, затылком я грохнулся еще обо что-то, в глазах вспыхнуло, как на экране выключаемого телевизора, а дальше был мрак, затемнение, которое вскоре рассеялось, и я увидел прямо перед глазами бугристую поверхность асфальта. В сотне шагов медленно и красиво удалялась фигура с прямой спиной и развернутыми плечами.

Я оторвал щеку от асфальта, медленно сел. Голова кружилась, во рту солоно. Поспешил... Ишь, сразу правой в челюсть! Без колебаний и раздумий, без рефлексии. Такие решительные парни нравятся даже одухотворенным скрипачкам.

Кровь бежала изо рта, саднило лицо. Я потрогал щеку, на ладони осталась кровь. Рассек лицо, когда грохнулся...

Зажав ранку, поднялся. Ноги как ватные, но я побрел вперед, постепенно приходя в себя. Скоро кровь во рту перестала скапливаться, хотя солоноватый вкус держался долго, а по щеке еще бежала струйка, постепенно засыхая, и я оттирал шелушащуюся корочку.

Когда я поднял голову, города уже не было. Я шел по унылой пустынной местности, над головой по-прежнему висело жуткое красное небо, под ногами попадались белые обглоданные кости, встречался чахлый кустарник, и я шел, глядя под ноги, стараясь не провалиться в норку хомяка или суслика, и когда снова поднял голову, впереди на близком холме возвышался рыцарский замок.

По стене между зубцами прохаживались часовые: в доспехах, с копьями и щитами, на верхушке башни развевался флаг с гербом, который я не рассмотрел, далеко, вокруг замка ров, переброшен подъемный мост.

К замку ведет широкая дорога, мощенная грубым булыжником. Я шел медленно, настороженно оглядываясь. Двое простолюдинов, что повстречались на дороге, не обратили на меня внимания, и я понял, я вне этого мира, пока сам не вмешаюсь.

Мост был опущен, и я шел через него, пугливо поглядывая на ров, заполненный водой, где торчали острые колья. Перил у моста нет, толстые доски поскрипывают... Каково здесь будет в час схватки?

Стражники на входе играли в кости. Я удержался от желания поздороваться, попросить разрешения войти – именно тогда бы они обнаружили меня.

Двор я пересечь не рискнул, но и в комнате для стражи лежали копья, мечи, боевые топоры. Один из стражников тут же точил длинный кривой кинжал. Я выбрал тяжелый боевой топор с узким лезвием и маленький круглый щит.

Замок я покинул тем же путем, как и пришел. В сторонке от мощеной дороги была еще одна, даже не дорога, а хорошо утоптанная тропинка. Ее пересекала широкая трещина, но я прикинул на глаз и решил, что перепрыгнуть сумею.

Как я и ожидал, вскоре запели боевые трубы. Стражники на стене ударили в щиты, ворота в главной башне стали подниматься. Там стоял сверкающий доспехами всадник, конь поверх лат покрыт попоной, напоминал закованную в сталь башню. Даже фаланги пальцев у него закрыты стальными перчатками, забрало опущено, сквозь узкую прорезь в шлеме нельзя было увидеть даже глаз.

Снова пропели трубы. Всадник лихо отсалютовал копьем, конь легко понес его через подъемный мост. Гулкий грохот копыт сменился сухим стуком по камням, конь и рыцарь неслись, как одно существо из мускулов и железа.

Я ступил из зарослей.

– Эй, доблестный рыцарь! Тебе не говорили, что ты подонок? А надо бы!

Он придержал коня, тот красиво взвился на дыбы, заржал.

– Что за холоп... А, это ты, мерзавец! Ну теперь-то я сотру тебя в порошок. Это не город асфальта, законов и ханжества!

– Сила есть, ума и чести не надо, – ответил я.

Все его гордые повороты головы, орлиный взгляд, прямая посадка – позы, только позы, как и чужие афоризмы, произносимые небрежненько и выдаваемые за свои. Нужно показать его смешным, сорвать маску гордого красавца и смельчака, только тогда смогу на что-то надеяться....

Он пришпорил животное и галопом понесся на меня, склонив голову к гриве коня и выставив копьё. Это неслась закованная в сталь башня, нечего и думать выдержать напор сверкающей смерти. Я отпрыгнул, острие копья ударило возле щеки, конь пронесся рядом, больно задев меня сбрусей.

Пока он останавливал коня и разворачивался, я, положив клевец и щит на траву, дразнил его, растягивая рот обеими руками и высунув язык. Пусть выгляжу как клоун, но и он, бла-а-ародный рыцарь, сражается с клоуном!

Снова он пронесся, как смерч из металла и ярости, развернулся в двух десятках шагов, пришпорил коня... Я уворачивался, отскакивал, скоро конь уже выбился из сил и скакал, хрипя

и покрываясь потом, с удил капала пена, всадник уже гневно сыпал проклятиями, но все еще держался красиво и ух как благородно, мне никак не удавалось его приземлить. Наконец он в ярости отшвырнул копьё, легко вытащил из ножен двуручный меч.

Он поехал ко мне шагом. Лунный свет холодно и мертво играл на широком лезвии. Всадник зловеще улыбался, я каким-то образом видел это сквозь узкую щель забрала.

Я похолодел, собрался. Он приблизился, левая рука привычно закрыла грудь щитом, правая начала заносить меч для разящего удара...

– Это как раз в твоей манере, – сказал я громко. – Конным на пешего!

– Трус, – сказал он высокомерно.

– Почему? Разве я бегу? Просто я обращаю твое внимание, что трус – ты, ибо пользуешься преимуществом.

Он задержал меч, затем очень медленно, словно его вела чужая сила, слез с коня, бросил повод. Конь заржал и отпрянул, а Виктор пошел на меня.

Огромный двуручный меч он держал одной рукой, держал легко, и я отразил первый пробный удар с трудом. Он понял, что сокрушить меня нетрудно, заулыбался зло и победно.

– Ты подонок, сволочь и трус, – сказал я громко и убежденно, – и я докажу это, хоть ты и сильнее меня...

– Каким образом? – спросил он зло.

– А вот каким...

Я плюнул ему в глаза. Он инстинктивно отшатнулся, на миг закрыл глаза, и я ударил его ногой по пальцам, что сжимали меч.

Он опомнился, хотел рвануться за оружием, но я стерек каждое движение, и боевой топор в моей руке был наготове.

– Ты бы убил меня, – сказал я, – я знаю... Но ты позер и трус, и я убью тебя тем, что покажу тебя таким, какой ты есть... А пока – живи!

Я кивнул в сторону меча, что лежал в сторонке на траве, Виктор бочком отступил, прыгнул к оружию, и я быстро разбежался, и пока он поднимал меч, с силой оттолкнулся, птицей взлетел в воздух, мелькнула внизу россыпь мокрых камней, я упал на той стороне у самого края, на четвереньках отбежал, ибо земля начала осыпаться, в безопасном месте поднялся на ноги и обернулся.

Он стоял на той стороне и потрясал мечом. Железный рыцарь, красивая металлическая статуя, ожившая и грозная!

– Смерд! Холоп!.. Грязный виллан! Низкороджденный раб!

– Помолчи о низости, – крикнул я. – Ты мастер по этой части, тут я соперничать не берусь.

– Ты заплатишься, – сказал он, задыхаясь от ярости. – Раб, свинья! Ты заплатишься очень скоро!

Он повернулся, быстро пошел прочь от обрыва. Я наблюдал, как он поймал коня, взгромоздился с трудом и вломился в заросли.

Я шагнул было по тропинке, оглянулся, повинувшись импульсу, рыцарский замок уже исчез с горизонта, хотя я сделал всего несколько шагов.

Дорогу загораживали кусты. Я с усилием раздвигал ветки – слишком высокий, чтобы мчаться на четвереньках, как пользовались тропкой лесные обитатели. Земля вытоптана, через плотные заросли пробит туннель, словно здесь постоянно носится стадо диких кабанов.

Я ощутил тепло и запах гари раньше, чем увидел огонь. Расстилалась большая поляна, в середине пылал огромный костер, вокруг сидели десятка три полуобнаженных звероватых мужчин. Все с палицами, некоторые с примитивными копьями.

Колеблясь, я осторожно отступил в кусты, чтобы успеть разобраться, понять, чем вызвана именно такая проекция, как вдруг сильные руки схватили меня сзади за шею. Я рванулся, но острая боль скрутила тело, я бессильно повис, ощутил удар в поясницу и упал плашмя.

Меня ухватили за ноги и поволокли. Я пытался закрыть лицо, выворачивался, оберегая глаза от сучьев на земле. Боль несколько раз кольнула ладони, видно, разодрал о камни.

Голоса приближались. Костер дохнул теплом, я видел отсветы жаркого пламени на деревьях. Меня швырнули возле огня, я с трудом приподнялся, сел. В спину жгло, но дикари смотрели с жутким интересом, и я опасался шевелиться.

– Поймали? – раздался за моей спиной сильный голос. – В жертву Мардуху его!

Из-за костра вышел молодой загорелый красавец огромного роста, мускулистый, широкий в плечах и тонкий в поясе. На нем была лишь набедренная повязка из шкуры леопарда, на бронзовой коже проступала татуировка, характерная, как отметил я автоматически, для древних славян и германцев в пору их этнической общности.

Я смотрел в глаза Виктору, не отрывая взгляда, а в его глазах насмешливое торжество уступало место раздражению.

– Сейчас ты узнаешь, что такое быть зажаренным заживо, – процедил он. – Мои воины на аппетит не жалуются! От тебя останутся только косточки, да и то не больше спички.

– Мардух – бог богов, а не людоедов, – сказал я отчетливо. – Мар, мор – смерть, в переводе не нуждается. Мор-дух... Мардух – верховный бог просвещенного Вавилона. Ты опять передергиваешь, позер и шулер!

– К столбу его! – крикнул он яростно.

– Трус!

– Быстрее!

– И подонок!

Меня схватили, рывком поставили на ноги. В трех шагах появился вкопанный в землю столб, и меня швырнули вперед. В тело врезались сухожилия крупного животного, острая боль рванула руки. Я не мог даже дергаться, туго привязанный к столбу, а дикари уже начали медленный танец, что все ускорялся и ускорялся.

Виктор взял три копья, остановился в трех шагах напротив меня. Дикари плясали, глаза горели, зубы в пламени костров блестели багровым, словно по ним уже бежала моя кровь.

– Лови свою смерть, ничтожество!

Он размахнулся, швырнул копьё. Я видел, как выскользнула смерть из его руки, но не уклонился: шла битва за Таню, а мускулами и мечами ее не выиграть.

Копье ударило, сорвав клочок кожи с левого бока, вонзилось в столб. Стало больно и горячо, теплота потекла вниз по бедру, начала скапливаться в обуви.

Виктор рассматривал меня насмешливо, лицо его было красивым и жестоким.

– Трус, – сказал я. – Ты же сильнее! Развяжи меня. Мы сразимся, если ты не совсем мерзавец.

Он усмехнулся, переложил другое копьё в правую руку.

– Зачем? – спросил он. – Честь, правила... Это для слабых. Сверхчеловек не нуждается в общепринятой морали. Это для толпы. Сильные стоят вне морали.

– Сверхчеловек – значит сверхдикарь? – спросил я. – Но даже у дикарей есть нормы морали. Только у животных их нет...

– А мне плевать, – прервал он и размахнулся.

На этот раз он целился мне прямо в лицо. Не в грудь, не в сердце, а чтобы каменное острие сокрушило кости, выбило глаза, чтобы насладиться уничтожением вставшего на пути, это я видел на его лице.

Мне показалось, что почва качнулась, хотя, может быть, это качнулся мир перед глазами из-за потери крови и слабости. Острая боль ударила в правый бок, я ощутил себя пригвожденным к столбу и с этой стороны.

Виктор свирепо выругался, лицо его исказилось. Третье копьё он подбросил на ладони, мстительно взглянул мне в глаза.

Почва дрогнула, донесся глухой гул. Вдали блеснуло багровым, словно проснулся вулкан, на горизонте плюнуло в небо огнем.

Дикари закричали, стали разбегаться. Виктор рывкнул, удерживая их, но почва уже ходила ходуном, он даже не мог бросить копьё. Меня шатало вместе со столбом, землетрясение свалило нас, я ударился лицом о твердую землю, тут же задергался в путах, тщетно искал острый камень, чтобы перетереть о него сухожилия, но камней не было, однако же рука выскользнула, и я догадался, что путы от усилий растянулись...

Через минуту я освободился уже полностью. Кровь стекала по бокам, раны неглубокие, но голова закружилась от страха и отвращения.

Я успел увидеть Виктора, что наносил удар копьём, успел отшатнуться, и мы сцепились в рукопашную, покатались по земле. Он бил жестоко, я задыхался от боли, неумело тыкал кулаками, но страшные удары вышибали дух, и когда сознание прояснилось, я лежал распростёртый, окровавленный и избитый, а он быстрым шагом уходил в темноту.

– Стой, сволочь! – прошептал я.

Собрав все силы, я поднялся на четвереньки, с трудом встал и бросился на подкашивающихся ногах в погоню. Виктор пробирался через завалы и огромные камни. Я догнал его не скоро, он в изумлении остановился, выпятил нижнюю челюсть. Огромный кулак встретил меня, во рту хрустнуло, и когда я снова пришел в себя, то лежал на камнях, и кровь бежала изо рта.

Подняться стоило нечеловеческих усилий, но я пошел за ним снова. Виктор уходил быстро, я задыхался от усталости и потери крови, все силы уходили на то, чтобы заставить себя двигаться.

Виктор остановился, лицо его изменилось. Его глаза встретились с моими, и он отступил, повернулся и стал быстро уходить.

Мы забрались все выше. Луна вышла из-за облака и осветила мрачные горы. Мы карабкались по узкой тропинке, слева отвесная скала, справа пропасть. Виктор обеспокоенно оглядывался, но я карабкался изо всех сил, падал от усталости, поднимался, шатаюсь, снова брел, не выпуская из виду ненавистную спину. Кровь капала изо рта. Засохшая было на боках кровь снова пошла струйками, и в туфлях хлюпало.

Внезапно Виктор остановился. Я шагнул еще, он обернулся, его руки угрожающе растопырились. Я шагнул ближе и увидел, что дальше тропки нет: обрыв и пропасть в три-четыре метра. Архары могли бы еще отсюда прыгнуть на соседнюю скалу, но только архары.

– Ты пришел за смертью, – процедил Виктор.

– Да, но вместе с тобой, – ответил я хрипло. Кровь заливала глаза, я плохо видел и боялся, что потеряю сознание.

Виктор заколебался, сказал:

– Черт с тобой. Дай мне пройти или возвращайся сам. Нет нужды погибать здесь.

– Одним подонком станет меньше.

Он криво ухмыльнулся:

– Но и одним святошей, не так ли? Ты благороден, признаю. Но жизнь благородного человека ведь ценнее, чем моя? Какая обществу польза, если сцепимся и рухнем в пропасть оба? Подонков много, да и не стоят они того, чтобы из-за них погибали такие идеалисты, как ты...

– Подонки трусы, – сказал я хрипло. – Когда увидят, что с ними борются даже ценой жизнью, то сами умолкнут, сойдут со сцены.

Я пошел на него, выставив руки, собрав всю волю в едином желании ухватиться за врага и сделать шаг в пропасть. Виктор отступил на шаг, красивое мужественное лицо посерело. Он отступил еще, вдруг пошатнулся, отчаянно взмахнул руками...

Невольно я ступил вперед и протянул ему руку, он сделал попытку ухватиться за мои вытянутые пальцы, но уже потерял равновесие, нога соскользнула, он страшно крикнул и замедленно начал падать...

Слабость навалилась с такой силой, что я опустился тут же, прижался лицом к холодному камню. Губы коснулись тепло-соленого, и я не сразу понял, что это моя кровь.

Голова сильно кружилась, я поднял глаза, чтобы удержать блекнущее сознание, смутно удивился голубому небу: было же кроваво-красное, грозное! – и сквозь скалы, сквозь темноту стали проступать стены операционной.

Я лежал на столе, голова раскалывалась от боли. В поле зрения мелькнуло белое лицо Мальцева. Я попробовал улыбнуться, но щеку стянул огромный пластырь. Я лежал голый, но от груди до бедер был забинтован так, что едва дышал.

– Очнулся? – спросил Мальцев встревоженно. – Фу, напугал... Идиот сопливый!

Надо мной, отстранив его, появилось лицо главного.

– Терзов, – сказал он жестко, – от психиатрии отстраняетесь! Вы только что доказали полную неспособность.

Он повернулся и быстро вышел. Мальцев подмигнул мне, дескать, главный у нас зверь, но мужик отходчивый, и заговорил быстро, путаясь в словах. В его руках дрожал шприц, которым он тыкал мне в руку и все никак не мог попасть в вену.

– Все сроки прошли, а ты не возвращаешься! Ну, думаем, крышка молодой смене... Тут тебя начало корчить. Все перепугались, на дисплеях кривые с ума сошли! Тут у тебя еще начали вскрываться раны – ну, скажу тебе, зрелище! Шеф побелел, не придумал ничего лучшего, как вкатить тебе лошадиную дозу кофеина. Тряхнуло тебя, но вроде бы полегчало. Добавили еще, смотрим – выкарабкиваешься...

– Да уж совсем полегчало, – простонал я. – Так выкарабкиваться...

– Ничего, – сказал он бодро. – Красивый шрам на лице, ну и что? Остальные под рубашкой. Мужчину шрамы не портят, я так полагаю.

Движение на соседнем столе прервало его слова. Таня, уже освобожденная от захватов, приподнялась на локте, ее бледное лицо было обращено к нам. Мы затаили дыхание.

– Не портят, – сказала Таня еще слабым, но уже чистым и ясным голосом. – Еще как не портят.

Далекий светлый терем

Всеволод к своим тридцати пяти успел сменить десяток мест, что непросто рядовому инженеру, которых пока что хоть пруд пруди. Слесаря или грузчика, рассуждал он, хватают всюду, а инженера берут с неохотой, да и то лишь затем, чтобы бросать на картошку, уборочную, чистку территории, вывоз мусора...

Затосковав «на картошке» по городу, он бежал с заявлением на расчет. Никто не уговаривал остаться, заявление подмахивали, в бухгалтерии ему бросали расчетные, которых всегда оказывалось меньше, чем ожидал, и он растерянно сдавал пропуск и выходил на улицу.

На новом месте совали метлу: «Нужно убрать тер-р-риторию отседова и доседова (вариант: дотудова)» или же, вручив лопату, талантливо соединяли на зависть ученым из НИИ космической физики заводское решение проблемы пространства – времени: «Копай от забора и до обеда». Он пробовал доказывать, что он инженер, но сникал, напоровшись на неотразимое: «Не слесарей же снимать? Они ж люди нужные!»

Он копал от забора и до обеда, ездил на кагаты, в близкие и дальние колхозы на прополку, на сбор помидоров и огурцов, заготовку фуража и силоса, вывозил навоз на поля, чистил фермы и скреб коров, копал ямы и рыл канавы, поливал сады, сгребал сено, возил зерно и собирал колорадских жуков, которых нам забрасывают иностранные шпиёны... Словом, делал все, что от него требовали. К своему удивлению, не раз попадал в передовики.

Сегодня утром, прихлопнув трезвонящий будильник, не выспавшийся, он поспешно выбрался из не по-мужски роскошной постели: до завода полтора часа с пересадкой, времени, как всегда, в обрез, тут вылеживаться некогда, хоть и страсть как хочется.

Жужжа бритвой, привычно врубил телевизор, скосил глаза. Утренний повтор вчерашнего детектива окончился, сейчас на экране колыхались, почти вываливаясь за рамку, широкие узорные листья каштана.

Он застыл, забыв выключить бритву. Каштановая роща на экране расступилась, к нему медленно, словно бы по воздуху, поплыл белый дом в два этажа – старинный, беломраморный, с резными луковичами и широкой балюстрадой, опоясывающей дом на высоте второго этажа. По широкой ухоженной лужайке, с футбольное поле размером, тоже поплыла, как в замедленной съемке, на сказочном белом жеребце женщина в длинном серебристом платье.

Всеволод судорожно вздохнул, увидев смеющиеся глаза амазонки, ее раздумывшееся лицо. Конь замер у крыльца, хвост и грива струились по ветру, а женщина легко процокала каблучками вверх по лестнице, ее шарф стремительной птицей пронесся над краем балюстрады.

Он задержал дыхание, задавливая рванувшую сердце боль.

– Ну зачем же... – сказал он горько. Щемило так, что чуть не заплакал от тоски: она там, а он здесь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.